

Василий Кристонов
Мила Бачурова

Гром гремит дважды
ТУРНИР

Мила Бачурова
Василий Кристонов
Гром гремит дважды. Турнир
Серия «Гром гремит дважды», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66993364
Гром гремит дважды. Турнир: 1С-Паблишинг; Москва; 2021

Аннотация

Главный герой приходит в себя в школе Цзюань. Сюда попадают все, кто задолжал клану Чжоу, и их участь – тяжёлые работы и полное повиновение. Впрочем, можно стать борцом, если бросить вызов другому борцу и победить его, ну... или можно погибнуть в этой схватке. Лей отчетливо помнит, что он не привык сдаваться, он всегда стремился быть сильным и умел постоять за себя. Но вот кто он такой? Постепенно герой вспоминает, что неслучайно оказался в этом мире и что у него есть счёт, который кое-кому надлежит предъявить. Для этого придётся проделать нелёгкий путь наверх, но герой к этому готов.

Представляем роман «Турнир» – вторую книгу цикла «Гром гремит дважды». Лей и другие борцы школы отправляются на турнир, поражение в котором означает смерть. Победители же получают возможность вступить в клан Чжоу, который, правда, после гибели главы переживает не лучшие времена. Количество

тайн и загадок, как и число смертей, растёт, но это не остановит героя на пути к цели.

Содержание

Глава 1. Весна	5
Глава 2. Бумажная свобода	15
Глава 3. Старые друзья	24
Глава 4. Как в дурацком кино	33
Глава 5. Тяжелая утрата	42
Глава 6. Наказание	52
Глава 7. Напарники	63
Глава 8. Бей подушку	74
Глава 9. На двух стульях	83
Глава 10. Преданные фанаты	93
Глава 11. В путь	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Василий Криптонов, Мила Бачурова Гром гремит дважды. Турнир

Глава 1. Весна

В школе Цюань не водилось календарей.

Они не висели ни в столовой, ни в спальнях – вероятно, считалось, что ученикам такое баловство ни к чему. Эти вольности могли себе позволить только люди вроде мастера Куана.

В кухне на стене висел календарь, по которому девчонки высчитывали дни, оставшиеся до очередного праздника. Каждый месяц от календаря отрывали лист, и появлялось изображение нового цветка. Этому событию девчонки неизменно радовались и бурно обсуждали, какой цветок будет на следующей картинке. И в общей комнате борцов стену тоже украшал календарь – приобретение, несомненно, контрабандное. На нём был изображён какой-то храм, а под картинкой с храмом пряталась фотография полуголой красотишки. Храм календарь демонстрировал днём. Вечером, после

отбоя, когда борцы собирались в комнате, картинку с храмом откидывали.

Прелести красотки служили поводом для бесконечных пошлых шуток. К шуткам я не прислушивался. Я отсчитывал по календарю дни, проведённые в Цюане.

Я находился здесь почти полгода. Из них четыре месяца – в статусе борца. Эти месяцы мог описать одним словом: тренировки.

Бесконечные, изнуряющие, вместе с другими парнями – каждый день. И плюс те, что Вейж проводил со мной индивидуально, по-прежнему под покровом ночи, раз или два в неделю.

Однажды, когда я поспешил выйти после отбоя, мой новый сосед Ронг ещё не уснул. «Ты куда?» – спросил он. Я машинально ответил: «Приручать дракона». «А. Ну удачи», – отозвался Ронг и захрапел. Только выйдя наружу и закрыв за собой дверь, я задумался о том, что сказал, и что Ронг услышал.

Впрочем, волноваться из-за Ронга и Бэя не приходилось. После того, как я отоварил обоих, защищая Ниу, они внезапно стали моими преданными фанатами. Нет, ребята не были мазохистами, просто в драке я спонтанно применил несколько боевых техник избранных духами.

Парни восприняли произошедшее на удивление здраво. Не побежали трепаться – ну, во всяком случае, я пока не замечал последствий их трепотни – не стали просить: «научи

нас так же!». Они даже не рвали ифу на груди, клянясь в вечной дружбе. Нет, Ронг и Бэй просто смотрели на меня с безграничной преданностью, не ставили палок в колёса и по мере сил избавляли от разных неприятностей.

В частности они мне помогли интегрироваться в новый коллектив. Я представления не имел, как жить среди борцов после всего, что они сделали или собирались сделать. Предполагал, что меня постараются уничтожить в первые же дни, однако Бэй и Ронг пусть и обладали всего-навсего белыми поясами, как-то умудрились убедить остальных борцов в том, что я – это хорошо или как минимум неплохо.

Никто не подошёл, не сказал: «Лей, прости, что мы пытались сварить тебя в бассейне с кипятком, что чуть не изнасиловали твою девушку, что сломали тебе ногу два раза». Мы с борцами не стали друзьями, да я этого и не хотел. Дружба с животными в мои планы не входила. Всё, что мне было нужно – встать на ноги, дожить до турнира и выбить себе хоть какую-то свободу, чтобы отыскать человека по имени Кианг и убить его. Поэтому я стоически переносил уроки учителя Вейжа.

Приятным бонусом стало то, что в последние два месяца тренировки разбавили поездки в город.

Раз в две недели за нами приезжал автобус с затемнёнными окнами. Мы, школьная элита, провожаемая завистливыми взглядами простых учеников, грузились в него, и нас отвозили в город «развлекаться» – это было одной из привиле-

гий борцов.

Впервые оказавшись в городе, я жадно смотрел по сторонам. Силился вспомнить что-то из прошлой жизни, узнать знакомые места... Но память не подбрасывала ровным счётом ничего.

Обычный китайский город. Не самый крупный, но и не маленький – кто-то при мне обронил цифру «полмиллиона жителей». В центре – остров небоскрёбов, стремящихся перещеголять друг друга высотой, торговые и бизнес-центры, красивые машины и многоярусные эстакады. А чем ближе к окраинам, тем ниже дома, грязнее улицы и обшарпаннее машины.

Мопеды, скутеры, велосипеды, тележки рикш и уличных торговцев. Круглосуточные магазинчики и забегаловки, засыпанные мусором переулки с хлюпающими под ногами лужами, безликие станции метро. Ничего интересного. И ничего узнаваемого.

«Развезаться» нас возили в торговый центр. Всегда в один и тот же – из недорогих, находящихся на окраине. Пятиугольное здание, носящее гордое название «Ксин»¹, было построено в виде колодца, со множеством входов и выходов на улицу и во внутренний дворик. Внутренний дворик окружали эскалаторы, а шахты лифтов были выведены наружу. Вдоль стеклянных стен здания скользили стеклянные лифты – поднимаясь, ты видел улицу под собой. Привлекал ли

¹ Ксин (кит.) – Звезда.

народ этот бесплатный аттракцион или низкие цены сетевых магазинов, расположенных в нижнем этаже – неизвестно, но людей в центре всегда было полно, несмотря на то, что привозили нас туда исключительно в будни.

На четвёртом этаже центра находился кинотеатр. Он был основной целью нашего посещения. Воспитатель покупал нам билеты, с утренней скидкой буднего дня, мы занимали в зале кресла и смотрели фильм – как правило, что-нибудь исторически-героическое. За всё время посещений мне не встретилось ни одного знакомого названия фильма.

Как не встречалась в витринах и на билбордах реклама знакомых торговых марок, как я не узнавал автомобили и фастфуды. Это был, несомненно, Китай – но какой-то другой. Незнакомый. Не тот, в который я когда-то, закончив школу переводчиков при Центральном Разведывательном Управлении, приехал на стажировку – а застрял в итоге на долгих семь лет.

Вернувшись на родину, я прошёл жёсткий отбор и продолжил учёбу. Только теперь на другом факультете. После того как у меня на руках умер от ран, полученных в перестрелке, лучший друг, я просто не мог поступить иначе.

Как только в зале кинотеатра гас свет, двое борцов потихоньку пробирались к выходу. Я знал, что их цель – магазины на нижних этажах. Именно там борцы закупали товары, которые потом прятали под сиденьями в автобусе – водитель делал вид, что слеп от рождения, – и тайно привозили в шко-

лу.

Главными контрабандистами были Джиан и Бэй. Руководил операцией Бохай. Он выдавал борцам список покупок и деньги, которые каким-то образом ухитрялся раздобыть в обмен на таблетки, пока мы толпились у входа в кинотеатр, ожидая начала сеанса. Сам Бохай по магазинам не бегал – видимо, из опасения, что может спалиться. Рисковали собой Джиан и Бэй.

Я старался держаться насколько возможно дальше от этой кутерьмы. После того, как благодаря Вейжу и жёлтому дракону научился нейтрализовывать любую дрянь, попавшую в организм, я дисциплинированно глотал таблетки, даже не думая их откладывать. Воспитатели и директор скрипели зубами, стараясь подловить меня хоть на чём-нибудь. Дважды в месяц в моей комнате устраивали внезапный обыск, однажды ворвались среди ночи, перетрясли матрас, открутили вентиляционную решётку, простучали половицы, но не нашли ничего.

«Что-то потеряли, господин директор?» – невинно поинтересовался я, глядя в круглые очки местного царька.

Он не ответил. Директор не оставлял надежды меня сломать и сделать таким же, как все. Он чувствовал, что где-то облажался, но никак не мог сообразить, где. Вряд ли можно его за это осуждать. В школе Цюань нечасто объявлялись избранные духами из других миров. И способность силами собственного организма разложить наркотик на безопасные

компоненты, запретить ему всасываться в кровь – это было что-то из области ненаучной фантастики. Формально я выполнял все требования школы – ну, кроме всяких мелких шалостей, на которые в Цюане смотрели сквозь пальцы, вроде вылазок после отбоя. По факту же тех оков, что отягощали жизнь остальным ученикам, для меня не существовало. Я был свободен в этой тюрьме, и её директор был на луну от ярости.

Тогда, только очнувшись в лечебнице после болевого шока, после шока от внезапно вернувшейся памяти, я ляпнул глупость и теперь о ней жалел. Вейж предупреждал об опасности ложных целей. Я очень хотел увидеть свою цель рядом и заставил себя поверить в то, что директор школы – это мой враг, вслед за которым я попал в этот мир.

Глупость и нелепость. Конечно, лица я узнать не смог бы, как не узнавал и собственного, глядя в зеркало. Но – характер, повадки, манера общения? Что общего у директора школы Цюань и моего бывшего начальника, бывшего друга по фамилии Кузнецов? Ничего. Кузнецов не был мелким садистом, ему не доставляло удовольствия причинять боль. Он заманил меня в ловушку, сказав, что собирается уходить из органов, пригласил поговорить, обсудить мои перспективы после его ухода. Когда он начал озвучивать перспективы, я сначала подумал, что это какая-то идиотская шутка. Потом – что меня проверяют. Когда же до меня дошло, что Кузнецов всерьёз говорит о том, чтобы утопить мир в «безвредной»

наркоте, было уже поздно. Отпустить меня он не мог, убивать – не хотел. «Разговор» затянулся на несколько дней, после чего бывший друг доверил моё убийство своим шавкам.

Директор Цюаня не доверил бы это никому. Будь у него такое право, он расстрелял бы меня самолично, глядя в глаза, а перед этим долго и с наслаждением пытал бы.

Однако права у него не было, и повода я не давал.

«Уходим», – процедил директор сквозь зубы в ту ночь, и воспитатели вышли из разорённой комнаты. Я вежливо попрощался и закрыл за ними дверь. Луна ярко светила в окно, и её света мне хватило, чтобы навести порядок.

Хранить таблетки в комнате было для меня равносильно самоубийству. Я и не хранил. Но всё же деньги однажды потребовались.

В этот день мы собирались в город, на просмотр очередного киношедевра. Тренировались до половины второго, пообедали, метнулись в душ. Потом, когда остальные борцы вышли во двор на прогулку, я незаметно свернул и прошёл в лечебницу.

Там, как всегда, было пусто. Болеть в Цюане не любили, да особо и не умели. Лежали в основном с травмами, и то недолго.

Яню в одиночестве скучала за столом перед входом в палату. Она читала какую-то книгу, но когда я скрипнул дверь, подняла взгляд, улыбнулась:

– Лей! Давно не виделась. На что жалуешься? Скажи, где

у тебя болит?

– Сердце за родину всё изболелось, – вздохнул я и сел на стул по другую сторону стола. – Можешь сделать не прямой массаж?

– Могу и прямой, – похвасталась Яню.

– Вряд ли, – вздохнул я.

Она пригасила улыбку, признавая, что действительно – вряд ли.

– Вообще, я тебя раньше ждала, – сказала она. – После того, как в начале зимы ты попросил посмотреть медкарты учеников, я тоже туда заглянула. Всё делаешь в последний момент, да?

Я развёл руками:

– Сама знаешь, я тут на особом положении. Любимчик директора, всё такое.

Яню кивала, пока я говорил, потом достала из кармана бумажный свёрток. Солидный такой. Все таблетки, что я якобы принимал, пока валялся в лечебнице, оседали в кармане Яню, которая, не задавая вопросов, просто их собирала.

– Многовато, – заметил я.

– Открой счёт, – фыркнула Яню. – Банк Бохай-финанс. Главное – договор внимательно читай, особенно мелкий шрифт.

Я кивнул и взял свёрток, сунул его за пазуху. Теперь, когда у меня появился пояс, как у всех борцов, прятать вещи стало намного проще, благодаря туго затянутому поясу, они

не рисковали выпасть из-под ифу.

– Спасибо, – кивнул я и встал.

– Не за что, – с напускной грустью сказала Яню. – А мою медкарту ты посмотреть не захотел...

– А зачем? – пожал я плечами. – Если захочу что-то узнать – лучше ещё раз проведу полное обследование.

Яню бросила в меня ручкой, и я поспешил удалиться. Как раз вовремя.

– Лей! – оглушил меня крик Ронга сразу же, как я вышел во двор. – Только за тобой бежать хотели! Ты едешь, или как?

Ворота были открыты, борцы шли к автобусу. Я махнул рукой Ронгу и побежал вперёд, сквозь толпу учеников, ловя на себе завистливые взгляды.

Глава 2. Бумажная свобода

Обычно рядом с Бохаем садился Джиан, но сегодня я, едва догнав борцов у самого автобуса, его опередил.

– Это моё место, – сообщил Джиан, нависнув надо мной.

– Буду его беречь, – кивнул я и повернулся к Бохаю: – Есть разговор.

Бохай окинул меня заинтересованным взглядом. Я буквально почувствовал, как он тянет ко мне свои ментальные щупальца, старается опутать ими, потащить на дно. Дерзкий новичок обращается за помощью, ведь наверняка же за помощью! Из этой ситуации нужно выдавить всё, что возможно и невозможно.

– Всё нормально, Джиан, – сказал Бохай. – Мы поговорим.

Джиан молча прошёл дальше по салону. Хромать после нашего поединка он давно перестал, коленную чашечку ему вернули на место в первый же день, а на следующий выгнали из лечебницы. Лицо тоже зажило после того, как Вейж макнул Джиана в кипяток. Остались лишь уродливые шрамы. На мой взгляд, Джиан от них стал выглядеть только brutальнее и внушительнее. Сам он, похоже, так не считал.

– Что за разговор? – спросил Бохай, когда воспитатели нас пересчитали, остались довольны и автобус тронулся.

Я, убедившись, что лишних глаз и ушей поблизости нет, достал из-под ифу свёрток и молча протянул его Бохаю, гля-

дя в другую сторону. Бохай молча взял, развернул, хмыкнул. Когда я повернул голову, свёрток уже исчез.

– Мало, – сказал Бохай.

– А ну, ещё раз? – попросил я.

– Помнится, я говорил, что ты должен пятьдесят. И ты не отдавал проценты уже о-чень...

– Помнится, – перебил я, – вы, ребята, тогда зарвались – дальше некуда. Ляпнул про долг – вывезти за свои слова не сумел. Почти полгода прошло, вместе живём, вместе тренируемся – молчал. Теперь что-то изменилось? Знаешь, если кто-то обращается к тебе за услугой – это не проявление слабости. Никогда не знаешь заранее, понадобится ли тебе ответная услуга.

Бохай величественно помолчал.

– Предлагаешь забыть прошлое и начать всё с чистого листа, – сказал он. – Что ж, согласен, мы все наделали ошибок.

И снова замолчал. Мысленно закатив глаза, я сказал:

– Есть такое. Сожалею, что повёл себя неправильно изначально. Тот праздник... и всякое другое.

Бохай кивнул.

– Но вот то, что с Ниу – это было слишком, – сказал я. – Даже по меркам Цюаня.

– Нет, – возразил Бохай. – Это было не слишком, это было обычно. В настоящей тюрьме, где девушек нет, тебя бы поставили на место немного иначе, и в этом тоже не было бы ничего необычного. Впрочем, я не говорю, что это хорошо.

Так чего же ты хочешь?

– Денег, – был краток я.

– Не понял. Ты ведь видел, как всё работает. Напиши, чего ты хочешь, и...

– Я хочу получить деньги, – перебил я. – Сними свой обычный процент, не надо оказывать мне особых услуг. Остальное – просто отдай мне, вот и всё.

Нужный магазин я уже давно присмотрел в том же торговом центре, в котором находился кинотеатр. Но доверять какому-нибудь Джиану или Бэю эту покупку не хотел под страхом смерти.

Бохай молча на меня смотрел. Я читал в его взгляде все невысказанные вопросы.

– Из-за ножа у тебя проблем ведь не было, – напомнил я.

Нож, который подарил мне Бохай, так и осел в кухне. Я не предпринимал попыток его оттуда выволить. Зачем? Прятать всё равно негде. А самое главное – негде использовать.

– Я тебя услышал, – сказал Бохай и отвернулся к окну.

А я, довольный заключённой сделкой-перемирием, уставился в противоположную сторону. Остаток пути думал о судьбах таблеток.

Если этот мир хоть сколько-нибудь похож на мой, то приобрести наркотики для заинтересованного гражданина не должно составлять проблемы. На любой вкус и кошелёк, под любые запросы. Хочешь посмеяться? Хочешь расслабиться? Хочешь посмотреть «мультики»? Или, наоборот, хо-

чешь сутки напролёт плясать в модных клубах? Пожалуйста. Спрос – предложение. А возникающая зависимость привязывает клиента лучше, чем бонусная карта супермаркета.

И вот на сцене появляется новый наркотик. «Колёса», вызывающие сильнейшую зависимость буквально за два-три дня. Что они дают потребителю взамен? Глюков нет, расслабления – тоже. Для работников и борцов это – совершенно ненужный эффект. Стимуляция – тоже. За любым приходом всегда идёт откат, и если сегодня ученик на радостях загрузит готовыми палочками два вагона или положит на тренировке всех борцов, включая Вейжа и воспитателей, то потом он сутки будет лежать пластом. Организм можно обмануть, только потом организм говорит: «Шутку понял. Теперь моя очередь».

Создатели таблеток, кем бы они ни были, всё это прекрасно сознавали, поэтому таблетки, помимо «поводка», не давали практически ничего. Обезболивание, противозачаточное – всё, что помогает сохранить ресурс клана. Зачем это кому-то ещё? Уж в Китае-то вряд ли есть проблемы с легальной покупкой контрацептивов, сертифицированных и безопасных. Да и обезбола это касается. Выводы?

Я видел два варианта. Либо таблетки нужны кому-то, кто использует их в качестве «поводка», но не хочет ставить об этом в известность клан. Либо таблетки обладают ещё каким-то свойством, мне неизвестным.

Все эти мысли были отголосками прошлой жизни. Там

они имели бы смысл, там я мог бы выписать их на большую доску в виде задач и сказать подчинённым: «Работайте!». А здесь у меня не было ни доски, ни подчинённых. Здесь я сам волей-неволей сделался винтиком в механизме наркоторговли.

* * *

Кино в этот раз было просто феерически дурацким. Я думал, такого уже лет тридцать не снимают, но фильм явно был свеженьким, с пылу с жару, с новейшими спецэффектами. Сюжет просматривался с трудом. Необходимость обоснования телодвижений актёров, кажется, раздражала и зрителей, и создателей. Весь бюджет ухлопали в постановку боёв, и вот тут развернулись на славу.

Два клана боролись за власть. Бойцы бегали по стенам, падали с небоскрёбов, разносили вдребезги автомобили одним ударом, пробивали кулаками стены. Я, чтобы не заснуть, пытался представить, что из этих фокусов реально мог бы сделать хорошо тренированный избранник духа. Получалось, что практически всё. Только зачем? Вот зачем этот кадр сейчас пробежал по вертикальной стене этажей десять и прыгнул вниз? Нет, я, конечно, понимаю, что красиво...

Экран на секунду заслонила фигура Бэя, протискивающегося к выходу. На колени мне что-то упало. Я нащупал бумагу и вдруг почувствовал, как к глазам подступают слёзы.

Это было какое-то непонятное чувство, сродни ностальгии. Я держал в руках деньги. Настоящие, живые деньги. Мог что-то купить на них, куда-то поехать. Не помню, кто и когда сказал: деньги – это отчеканенная свобода. Или отпечатанная. Или закодированная нулями и единицами в банковской системе. Свобода. И на что только люди не идут ради неё.

Я встал и вышел из зала через пять минут после Бэя. На экране в этот момент двое озверевших бойцов яростно орали друг на друга под пафосную музыку, готовясь броситься в драку. Всё время, пока я шёл, они готовились, и когда дверь за мной закрылась, ещё орали.

Я встал на эскалатор, ползущий вниз. До сих пор всегда передвигался в толпе борцов, и внимание встречающих людей как-то рассеивалось. Теперь же оно досталось мне одному. Ифу – одежда, с одной стороны, неброская, а с другой – очень уж многое имеющая в виду. Мало кто носит такое в обычной жизни. А тут ещё и пояс.

– Белый пояс, – услышал я сзади. – Пф! Фигня.

Я повернул голову, окинул взглядом двух подростков, стоящих несколькими ступенями выше. Один – тот, чей голос я слышал, – пожирал чипсы из пакетика и смотрел на меня презрительно. Он, конечно, был куда здоровее меня за счёт брюха, но в целом я бы на его месте поостерёгся задирать незнакомцев. Друг пацана, стоявший рядом, был, кажется, поумнее. Он наклонился к уху толстяка и что-то горячо зашептал. Я расслышал слова «борец» и «школа». Тол-

стык презрительно фыркнул, осыпав крошками чипсов разделявшие нас ступеньки.

Белый пояс – действительно фигня, его дают всем, прошедшим испытание и пополнившим ряды борцов. Другой разговор, что в рамках клановых «школ» все пояса были – фигня. Как я успел выяснить, во внешнем мире они никак не котировались. Просто очередная вялая морковка перед глазами, чтобы был стимул тренироваться лучше. Заслужить жёлтый пояс, заслужить оранжевый, зелёный... И где-то там, в конце этого квеста – победить в турнире и выйти на свободу.

С Джиана, кстати, едва не содрали жёлтый пояс после нашего поединка. Учитель Вейж, во всяком случае, угрожал этим, когда пришёл навестить нас в лечебнице. Но потом нехотя сказал, что правила есть правила, и технически Джиан, конечно, бой не проиграл – невзирая на то, что все мы знаем, кто из нас двоих должен по праву носить жёлтый пояс, а кто – белый.

Сойдя с эскалатора, я поспешил затеряться в толпе. Драка ничем, кроме неприятностей, мне не грозила. Когда толстяк с разбитым носом поднимет вой, охрана и полиция окажутся тут как тут. Даже если я сбегу к своим – «особые приметы: ифу чёрного цвета, белый пояс, предположительно – ученик школы Цюань». Посадить, конечно, не посадят, однако сутки «консерватории», как на школьном жаргоне называют карцер, себе обеспечу. И директора лишний раз порадуя.

Я нашёл в магазине нужный отдел, купил, что хотел и, сжимая в руке нарядный свёрток, быстро ушёл. Выбрался на улицу. Вдохнул воздух, наполненный свободой. Чужой свободой... Людские реки обтекали меня со всех сторон, как будто я был скалой.

Автобус стоял недалеко, на парковке. Водитель сидел за баранкой и с философским выражением лица забрасывал палочками в рот кусочки тушёных овощей из фастфудного пакета. Я постучал по стеклу. Водитель бросил на меня беглый взгляд и нажал на кнопку. Двери, зашипев, открылись.

Войдя в салон, я задумался. Куда спрятать покупку? Под сиденье, которое я занимал обычно, или под то, которое сегодня отжал у Джиана? Задача... Ладно, спрячу под своё, там видно будет.

Я приладил свой маленький секрет так, чтобы он не бросался в глаза и не вываливался при движении автобуса и поспешил выйти. Чёрт его знает, сколько продлится этот киношедевр.

Стоило мне прыгнуть на асфальт, как я увидел идущих к автобусу Джиана и Бэя. И они меня тоже увидели. Я пошёл навстречу, к торговому центру, других вариантов особо и не было. Джиан передал Бэю свой пакет и ускорил шаг. Ну, начинается.

– Ты что это себе позволяешь, а? – зарычал Джиан, когда мы остановились друг напротив друга.

Бэй прошёл мимо, не сказав ни слова. Раньше бы обяза-

тельно отпустил в мой адрес тупую шутку, а потом, спрятав покупки, прибежал бы помогать Джияну.

– Подышать вышел, а что не так? – спросил я.

– Если воспитатели спялят, что тебя нет – попадут все.

– Ну да. Точно так же, как попадут, если спялят тебя или Бэя.

Джиан шумно дышал, испепеляя меня взглядом. Если среди учеников Цюаня у меня и был враг – то это был Джиян. Человек, который, увидев меня вылезающим из бочки с бензином, охотно поднёс бы горящую спичку. Первый раз я унизил его, когда он напал на меня во дворе и в итоге уехал в консерваторию на двух воспитателях. Второй раз – когда он вошёл в цех, чтобы уничтожить меня, а вышел с ошпаренной рожей. И апогеем всего был наш поединок, когда Джиян на глазах у всей школы визжал и корчился от боли, а я смеялся в разразившееся грозой небо.

– О чём говорил с Бохаем? – перевёл разговор Джиян.

– Говорил – значит, надо было. Было бы надо говорить с тобой – говорил бы с тобой.

– Так, значит?

– Значит, так.

– Может, поговорим сейчас?

– Можно, – пожал я плечами. – Фильм – всё равно дерьмо.

Глава 3. Старые друзья

За спиной зашипела автобусная дверь, вскоре подбежал Бэй.

– Можем идти, – полувопросительно сказал он, переводя взгляд с меня на Джиана и обратно.

– Иди, – велел Джиан. – Я догоню.

Бэй сделал нерешительный шаг в сторону и замер.

– Пошёл, тебе говорят! – прикрикнул Джиан.

Бэй развернулся и припустил трусцой к зданию торгового центра.

– На испытании тебе просто повезло, – выпалил Джиан.

– Знаю, – кивнул я. – Ты уже говорил, в лечебнице. На память не жалуюсь. А чего надо-то?

– Чтобы ты перестал на всех вокруг поглядывать, как на дерьмо! – Джиан сорвался на крик. – Ты ещё ни одного настоящего боя не выиграл, чтобы так смотреть!

– Ясно. Это всё?

И Джиан взорвался. Предъявить ему толком было нечего, однако он привык, что если на кого-то злится, то, значит, прав. И сила – всегда на его стороне в таких случаях.

Джиан ударил. Я уклонился и, как хороший боксёр, ударил в корпус. Кулак врезался в твёрдые, напряжённые мышцы. А в шею мне прилетел удар локтем.

Что и говорить, Джиан был неплохим борцом, и на тре-

нировках дурака не валял. К тому же он по-прежнему был физически сильнее и здоровее меня.

Я решил сделать ставку на скорость. Один мой удар – ничто для Джаана, он толком даже не заморачивался защитой. Но когда вместо одного удара на него высыпался десяток, отскочил, растерявшись.

Мой взгляд упал на зеркало заднего вида в автобусе. Водитель флегматично наблюдал за нашей стычкой, продолжая опустошать фастфудный пакет. Ему платили за то, чтобы он крутил баранку, а не за то, чтобы вмешивался в дела учеников школы.

– В асфальт закатаю! – пообещал Джаан.

От первого удара я уклонился, контратаковал в голову, выставил блок. Главное – не угодить в захват. Выйти из захвата без сверхусилий я не смогу. Дистанция, главное – дистанция!

Мимо проехал автомобиль. Водитель напряжённо крутил головой, выискивая место, куда приткнуться, и на нас не обратил внимания.

Пока ко мне летел кулак Джаана, я успел подумать о многом. О том, какой же он кретин, что затеял эту драку. Ладно бы в школе – но в городе, на парковке! Повредим чужую машину – и с нас обоих сдерут по три шкуры. Попадёмся на глаза воспитателям – та же песня. Решит доложить об увиденном водитель – опять то же самое. Попадём на камеру чьего-то смартфона? Кто-то вызовет полицию? Да нам дья-

вольски повезёт, если эта драка останется без последствий!

– Глазам не верю, это Джиан?!

Услышав чей-то голос, Джиан замер, посмотрел поверх моего плеча. Я не стал терять момент и ударил его ногой в живот. Тяжело ухнув, Джиан врезался спиной в борт автобуса. Водитель немедленно нажал на гудок.

Я обернулся. К нам шли пятеро. Трое были в чёрных кожаных куртках, один, видимо, главный, к тому же напялил тёмные очки, хотя день был обычный, пасмурный. Оставшиеся двое были в хлопчатобумажных куртках – ярко-красной и ярко-жёлтой. Когда господь раздавал крутизну, эти двое явно опоздали.

– Джи-и-иан, – протянул главарь в чёрных очках, ловко перемещая тлеющую сигарету из одного уголка рта в другой. – Сколько ж мы не виделись? Лет пять, наверное. И ни письма, ни звоночка...

Пока он говорил, остальные оперативно распределились так, чтобы отрезать пути возможного бегства.

– Ты же знаешь, что меня взяли, – глухим голосом отозвался Джиан.

Я повернулся к нему.

– Это кто?

– Не твоё дело, – процедил Джиан сквозь зубы. – Вали, куда шёл.

Ну да, никому не хочется быть избитым на глазах у заклятого врага. А в том, что эти ребята идут сюда не для того,

чтобы предложить Джиану посидеть в чаёвне, сомнений не оставалось.

– Тебе повезло, что тебя взяли, – сказал главарь и остановился. – Это был самый счастливый день в твоей жизни, но сегодня везение закончилось.

– Знаешь, что, Вэньмин? – Голос Джиана внезапно окреп. – Пошёл ты. Если бы у меня была возможность вернуться в прошлое, я сделал бы то же самое!

Вэньмин выплюнул сигарету, указал на меня пальцем.

– Мелкий, свалил отсюда.

– Мне и тут неплохо, – ответил я.

– Он что – твой друг? – усмехнулся второй парень в чёрной куртке. Руки он опасно держал в карманах. Там могло оказаться всё, что угодно – нож, пистолет. У остальных парней руки были на виду. Ребята уже приготовились дать им волю.

– Враг, – отозвался я. – Просто не люблю, когда мне отдадут приказы люди, на которых я не работаю.

Соблазн свалить был, и немалый. Но мы с этим чёртовым Джианом – в одном братстве, как бы там ни было. Моего бегства не поймёт никто. Лучше сейчас расписать на двоих эту пятёрку, чем потом опять бодаться с двумя десятками борцов. Так и до раскрытия моей избранности недалеко.

Вэньмин жестом подозвал к себе паренька в красной куртке, что-то тихо ему сказал. Тот двинулся вроде бы ко мне, но тут же пробежал мимо и скрылся за автобусом. Я проводил

его взглядом и чуть не пропустил атаку.

Подручный в чёрной кожанке хотел вырубить меня с одного удара в голову. Шансы были хорошие, он не зря до последнего прятал руки. На правой оказался кастет. Отличное оружие, если умеешь бить.

Я резко, в последний момент уклонился и локтем зарядил парню в подбородок. Вложил в удар весь свой вес, и его оказалось достаточно. Парень полетел на асфальт. Я перехватил его правую руку, выкрутил, попытался сдёрнуть кастет, и тут на меня налетел шестёрка в жёлтой куртке. Пришлось выпустить руку более серьёзного врага и отмахиваться от этого.

«Жёлтый», похоже, учился драться по фильмам вроде того, что шёл сегодня в кинотеатре. Он то и дело подпрыгивал, норовя нанести мне сокрушительный удар ногой. От первого прыжка я ушёл, сделав шаг в сторону, под второй подставился. Захватил ногу, и полудурок хряпнулся копчиком на асфальт. Его вопль я оборвал, врезав кулаком по лицу.

Джиан воевал с двумя соперниками – Вэньмином и вторым его подручным в кожанке. Очки Вэньмина, разбитые, уже лежали на асфальте. У второго был разбит нос. Джиан же выглядел так же, как и до начала драки. Может, помянет добрым словом Вейжа, который чему-то его научил.

Мой соперник уже вскочил и, затейливо пыхтя и выпучивая глаза, попёр в атаку, размахивая руками. Я встретил его в примерно таком же стиле. Выполнил стремительную «вертушку», заставив отпрянуть. Тут же подпрыгнул, в воз-

духе повернулся, выполнив ещё один удар ногой, а приземлившись, совершил третий поворот – подсечку.

Парень с кастетом попятился и повалился на капот припаркованной сзади машины, марки которой я не знал. Завещала сигнализация. Перепуганный парень рванулся вперёд так, словно упал на раскалённую сковороду. Я встретил его прямым в челюсть, и прежде чем он упал, успел добавить ногой в грудную клетку.

В этот раз рухнул парень капитально. Сделал вмятину на капоте, да ещё и неудачно поцарапал кастетом краску. Я быстро мотнул головой, убедился, что никто в нашу сторону не смотрит.

Поднял руку, одновременно рисуя в воображении жёлтого дракона. Воздух знакомо сгустился. Я не стал разворачивать ладонь. В конце-то концов, техника называется Длинная Рука.

Ударил, и вдруг...

Раньше такого не было. Жёлтый дракон в моём воображении рванулся в атаку, как прежде. Но теперь я увидел бледный луч жёлтого света, будто бы изливающийся из моей ладони. Прежде чем я успел что-либо предпринять, луч ударил в поднимающуюся голову парня в кожаной куртке.

Голова откинулась назад, сила удара повлекла за собой тело. Затылком парень расколотил ветровое стекло и, что особенно ценно, вырубился моментально. Вот и хорошо.

Тот, в жёлтой куртке, так и валялся на асфальте, от него

больше проблем ждать не стоило. Я сделал шаг к автобусу и как раз вовремя – Джиан врезал Вэньмину, и тот попятился ко мне. Собственно, он всё сделал сам, мне нужно было лишь встать в нужном месте и позволить крутому парню, издав изумлённый вскрик, перекатиться через мою спину и повалиться на асфальт. Я резко обрушился вниз и врезал ему по затылку. Раз – и всё, третий перестал представлять опасность. А секунду спустя последнего уложил Джиан.

Мы уставились друг на друга, переводя дыхание после внезапной стычки.

– Не лезь не в свои дела, понял? – процедил Джиан сквозь зубы.

Сигнализация орала. На нас таращились с тротуаров. Несколько прохожих поотважнее остановились, достали телефоны и снимали видео. Остальные не решались задерживаться, просто шли, выворачивая шеи, стараясь не упустить ни одной подробности.

– Пошли отсюда, – сказал я, опустив голову.

Толку в этом, конечно, уже не было. Проблем мы себе уже обеспечили вагон и маленькую тележку. Впрочем, крохотный шанс соскочить без потерь оставался. И Джиан меня понял. Он тоже наклонил голову, и мы вместе, обогнув автобус, пошагали вдоль рядов припаркованных автомобилей. Хотя бы успеть вернуться в кинотеатр до конца сеанса...

– Привет из прошлой жизни, да? – буркнул я на ходу.

– Тебя не касается, – огрызнулся Джиан.

– Хорошо бы, если б так...

– Что ты там бормочешь?!

Вместо ответа я показал пальцем вперёд. Джиан поднял голову и остановился. Я тоже замер. Торопиться явно не имело смысла. Нам навстречу даже не шли, а бежали со всех ног.

Я бегло насчитал полтора десятка. Некоторые были в майках, некоторые – в куртках на голое тело. Видимо, очень торопились, выскочили в чём были. Кто-то тащил блестящую цепь, человек пять неслись с битами. Кастетов и ножей я пока не разглядел, но подозревал, что без этого добра не обойдётся.

– Что ж ты им такого сделал-то, а? – Я повернулся. – Бежим, чего застыл!

Джиан очнулся. Мы побежали обратно, но стоило обогнуть далеко выставленный зад автобуса, как снова будто споткнулись.

– Конец вам, пацаны, – просипел, поднимаясь, Вэньмин. Он морщился, потирая затылок, но в себя пришёл довольно быстро. Крепкий засранец.

Конечно, не Вэньмин заставил нас остановиться. Просто с другого конца проезда ехал старенький раздолбанный джип, из окон которого торчали, размахивая битами, ещё трое.

Джип остановился. Все, включая водителя, высыпали наружу, оказалось, что их пятеро. Оставив двери открытыми, припустили к нам.

– Моя машина! – завопил кто-то.

Я повернулся.

Была ещё возможность скользнуть между машинами. И там стоял, держа в вытянутой руке ключи, мужчина лет сорока. Лицо его выражало полнейшее недоумение – что же он такого совершил в своей законопослушной жизни, чтобы заслужить неподвижное окровавленное тело на капоте машины. Судьба тут же продемонстрировала мужику, что она с ним ещё не закончила. Парень с битой выскочил откуда ни возьмись и врезался в него плечом. Мужик, вскрикнув, упал, а парень ловко, как обезьяна, вскочил сперва на багажник его машины, оттуда – на крышу и там оглушительно свистнул.

– Пацаны, он тут!

– Спину прикрывай, – только и успел я сказать Джиану, прежде чем на нас со всех сторон обрушилась лавина.

Глава 4. Как в дурацком кино

Всё-таки, наверное, есть такое понятие, как судьба.

Ну вот суждено мне быть забитым до смерти. Раз, в прошлой жизни, выкрутился, выжил каким-то образом, может, благодаря этому жёлтому дракону. Попал в Цюань – и посыпалось. Драки, одна за другой, одна другой жёстче. А ведь старался вести себя тихо. Одна беда – кланяться низко не умею и задницы целовать, вот и приходится по старинке, расчищать себе дорогу кулаками.

Я пробился практически на самый верх Цюаня, влился в самую крутую банду, сделал своих врагов своими – ну, пусть не друзьями, но вынужденными союзниками, что ли. Казалось бы, можно немного расслабиться, выдохнуть.

Угу, выдохнул. Стою на парковке, спиной к спине с Джиганом, которого сам бы придушил с великой радостью, а нас окружают. Сколько? Двадцать точно, плюс, вон, ещё между машин бегут, обложили со всех сторон. Тридцать ублюдков, не меньше. Вэньмин поднялся, тот, с кастетом, тоже начал дёргаться – эх, мало я его приложил. Надо было вообще мозги выбить, всё равно они ему не нужны.

Обычно такие драки заканчиваются очень быстро. В кино, даже если налетают толпой, нападают всё равно по одному, давая возможность герою показать стремительный и эффектный поединок, пока остальные участники драмы пере-

минаются с ноги на ногу в ожидании своей очереди. В реальности же лучшая стратегия в битве с толпой – стремительное бегство. А если пути отрезаны, то ни в коем случае нельзя увлекаться поединками, потому что остальные ни фига не будут ждать.

Первый парень, которого я себе наметил, бежал чуть впереди других, задорно размахивая цепью. На него должно уйти меньше секунды, что бы он там о себе ни воображал.

В памяти вновь всплыла сцена из прошлого – как я, на тренировке, одного за другим кидаю на пол атакующих меня китайцев. Да, это была именно тренировка, и никто из этих ребят не пытался всерьёз причинить мне вред, как и я – им. И всё же – я тогда выстоял против полутора десятков.

– Это тренировка, – бросил я через плечо.

– Что? – отозвался Джиан.

– Тренировочный бой. На чёрный пояс.

Спросить меня, не сошёл ли я с ума, Джиан не успел.

Началось.

Парень с цепью тупо замедлил шаг, чтобы, сохранив дистанцию, достать меня своим неуклюжим оружием. Я ментально привёл себя в нужное состояние ума и духа. Дёрнул рукой, как будто нанося удар в лицо стоящему вплотную сопернику, и вновь увидел жёлтый прозрачный луч, как будто вправду моя рука удлинилась за счёт каких-то призрачных энергий.

Никто, кроме меня, этой энергии не видел. Я уповал на то,

что моих мелких шалостей вообще никто не заметит. Парни, которые нападают вооружённой толпой на двоих соперников, обычно не заморачиваются анализом ситуации, коллективный разум, как известно, на рассуждения не способен. Толпа может либо с воплем нестись в атаку, либо с воплем бежать от опасности, третьего не дано.

Длинная Рука ударила в лицо парню, и на этот раз удар вышел отменным. Парень повалился на бегущих сзади, вызвав смятение и задержку. Но, как я и ожидал, никто не воскликнул: «Он избранный духом!». На меня налетели с двух сторон. Тот, что справа, был на пару сантиметров ближе, тот, что слева, замахивался битой.

Я изменил стойку, «превратившись» в левшу: правая рука и правая нога вперёд. Хук слева. Удар вышел скользящим, но мне, в общем, того и надо было. Кулак нечётко мазнул по роже парня справа. Я позволил своему телу поймать инерцию удара, наклониться вслед за ним, перенёс весь вес на правую ногу, чтобы левой ударить парня с битой.

Бита успела где-то свистнуть, но парень не сообразил вовремя, что делать с моей непонятной позой. Удар пришёлся ему в грудь.

Прыжком с поворотом я вернулся в нормальное положение и подвис в воздухе при помощи техники Паук. В этот раз я не видел луча, но чувствовал. Тонкий, как паутина, он словно выходил у меня из сердца и тянулся вверх, в небо.

Один за другим, четыре удара: два левой ногой, два – пра-

вой и на асфальт. Исчезла тонкая нить, двое парней рухнули, умываясь кровью. А я уже встречал следующего.

Судить о том, как дела у Джиана, я мог только по тому, что сзади на меня не нападали. Джиан держал оборону, но на сколько его хватит, я не мог сказать. Сила в таком побоище начинала играть роль, когда выходила за рамки обыденного. Ну, скажем, богатырь два метра ростом и столько же в плечах, неспешно, посвистывая, расшвырял бы всю эту кодлу и пошёл бы дальше. Для Джиана важнее была скорость, а вот с этим у него проблемы.

Я был гораздо быстрее, а недостаток скорости легко мог компенсировать применением какой-нибудь из трёх известных мне техник. Большинство нападавших парней были вооружены чем-то «дальнобойным», и они не стремились сокращать дистанцию до предела, полагая, что с безопасного расстояния могут легко вырубить меня битой или цепью. Этим я и пользовался, то и дело пуская в ход своё невидимое оружие.

Мою защиту прорвал первый парень, кинувшийся с ножом. Он был быстр. Я машинально перехватил его руку, выкрутил, почувствовал, как разжались пальцы, выпуская нож... И утратил контроль над остальными.

Бита мелькнула перед глазами. Я успел отшатнуться, но правое плечо взорвалось болью, тут же чей-то кулак врезался в лицо.

Я тяжело привалился спиной к спине Джиана, дважды

махнул кулаками наудачу, пока не вернулась способность ориентироваться в пространстве. Два бледно-жёлтых луча разлетелись и нашли какие-то свои жертвы.

Едва проморгавшись, я увидел, что меня сейчас ударят цепью. Нырнул вниз, не подумав, и цепь ударила по спине Джигана. Он обернулся, прощёлкал удар, полетел на асфальт, попытался вскочить – на нём тут же повисли, повалили обратно.

– Убей этого уроды! – орал Вэньмин. Морда у него вся была в крови, от былой холёной крутизны ничего не осталось.

Джиган уже перестал сопротивляться, он только поджал ноги, закрыл голову руками, спасая самые уязвимые части тела. Я вертелся на месте, отбиваясь от всех сразу. Теперь, когда спину мне никто не прикрывал (по моей же вине!), я едва успевал даже дышать.

Попытался применить Паука – меня сбили моментально. Удары сыпались со всех сторон. Я уже не скрываясь использовал технику Длинной Руки. Парни разлетались во все стороны, но на место одного упавшего тут же прибегали двое, трое, четверо. Да сколько же их?!

Удар по голове на миг погрузил меня в темноту. В темноту, в которой, свиваясь кольцами, танцевал жёлтый дракон. Он раскрыл пасть, намереваясь броситься на меня, как делал уже тысячи раз.

Эта связка не распалась, да и вряд ли когда-нибудь распадётся. Боль давала мне силу. Какую-то запретную, необъ-

яснимую силу. «Ты называешь своего духа Болью», – сказал Вейж, и он был, чёрт побери, прав!

– Не меня, – шепнул я дракону. – Не меня. Жри их. Всех их. Вся их боль – тебе, ненасытная скотина.

И дракон, торжествуя взмахнув крыльями, развернулся. Полетел в чёрную даль. Я открыл глаза.

Лежу на асфальте, лицом вниз. Сзади, сверху – за спиной – как будто вакуум. Знакомое чувство, которое означает: сейчас нанесут удар. Инстинкт, воспитанный сотнями драк, голосил, что нужно откатиться в сторону, потому что если сверху ударят битой или цепью, то это может быть вообще последний удар, который я пропущу в жизни.

И я, в здравом уме и трезвой памяти, послал этот инстинкт в далёкое путешествие.

Разум не зафиксировал, как я оттолкнулся от асфальта. Меня как будто подбросило, а может, так оно и было – я успел заметить бледно-жёлтую вспышку. Я подскочил, одновременно разворачиваясь, и ударил. Парень, который занёс надо мной шуанцзегунь², получил лучом света в нижнюю челюсть. Это был апперкот, и парня подбросило вверх на метр. Он беспомощно взмахнул руками и рухнул в толпу, окружившую лежащего на земле Джиана.

Меня окружила такая же толпа. Перекошенные от ярости и удивления лица, выпученные глаза.

² ### (кит.), shuāng jié gùn – китайское название оружия, известного в России, как «нунчаки» (от яп. «нунтяку»).

Я ударил ещё одного. Расстояние было небольшим, и Длинная Рука помогла преодолеть буквально десяток сантиметров. Бил я не сильно, зная, что от мускулов тут ничего не будет зависеть. Однако дракон, похоже, разъярился не на шутку. Показалось, будто лицо парня буквально вмялось внутрь – я не стал задерживать взгляд, чтобы убедиться, так ли это. Мгновение спустя уже бил следующего, третьего, четвёртого.

В какой-то момент я заметил, что бью очередного недоделка, пока двое ещё даже не приземлились после моей атаки. Слишком быстро... Но контролировать себя я уже не мог. Вы хотели драки? Жрите, не обляпайтесь. Никто не обещал вам лёгкой победы, вообще победы никто не обещал.

Удар, уклон, прыжок, нырок, удар, удар... И вдруг я обнаружил, что вокруг меня пустота. Тяжело дыша, огляделся.

Парней расшвыряло в разные стороны, одни лежали на асфальте, очумело трясая головами, другие валялись на капотах истошно вопящих сигнализациями машин, двое торчали из лобовых стёкол, но тоже дёргались, подавали признаки жизни.

Я раскидал не всех. Половина вообще не заметила произошедшего, они увлечённо мутузили Джиана.

Вот оставить бы его так. А что? Я свою половину работы сделал, меня с минуты на минуту таким откатом накроет, что упаду и не встану. Ладно уж, пока не накрыло...

Но я успел сделать только пару шагов к Джиану, которого

даже не видел.

С оглушительным рёвом в толпу ворвался кто-то в сине-зелёном шёлковом ифу. И это мог быть только Бохай.

Уличные отморозки полетели в разные стороны. Но Бохай был только вершиной айсберга. Вслед за ним неслись, перескакивая через машины и истошно вопя, все борцы школы Цюань. Следом, вытаращив глаза от ужаса (ой, как же нас за это поймёт директор!), семенили на цыпочках воспитатели. Они даже дубинок не вытащили. Один из них – тот ублюдок, что постоянно использовал электрошокер, надо или не надо, вообще был бледен и, кажется, готов хлопнуться в обморок. Оба воспитателя остановились за рядом машин, который давал иллюзорную защиту. Две курочки-наседки, не знающие, как собрать разбежавшихся по двору цыплят.

Избиение Джиана переросло в драку на равных. Борцы взялись за дело умело и с удовольствием. Крутые парни так и летали вверх тормашками. Сами борцы, конечно, тоже успевали получать – всё-таки против оружия Вейж их не тренировал. Палкой на тренировках он, видимо, охаживал только меня, а остальных если и бил, то не чтобы научить уходить от удара, а чтобы вколотить в твёрдые лбы хоть немного разума.

Бэй получил битой по голове и рухнул на четвереньки, Ронга не то пырнули в живот, не то врезали кастетом – он как-то нехорошо скрючился и тоже упал. Борец по имени Фу (после того как память о родном языке окончательно воскресла, я старался с ним не пересекаться, потому что не мог

серьёзно относиться к человеку с таким именем) потерял рукав белого ифу, за который, падая, уцепился Вэньмин, а пока пытался вызволить рукав, огрѐб цепью поперѐк спины.

Всѐ это произошло за какие-нибудь секунды. Я ещё бежал туда, к ним, когда на горло мне легла цепочка.

– Сдохни, сучёнок, – прошипели мне на ухо.

Кто-то из моих недобитков решил воскреснуть не вовремя и использовал шуанцзегунь для захвата. Я качнулся назад, что есть силы оттолкнулся ногами от асфальта... Если бы тут мимо проходил режиссѐр того сраного фильма – он бы плюнул на опасность и побежал предлагать мне роль в сиквеле. Я перекувырнулся в воздухе через голову, перелетел через напавшего сзади парня. Он с перепугу выпустил оружие. Я, ещё не приземлившись, поймал его, освободил шею и, размахнувшись, нанѐс рубящий удар. Одна из двух обитых алюминием палок звонко долбанула парню в переносицу. Второй удар пришѐлся в висок, парень рухнул, как подкошенный.

И тут взвыла полицейская сирена.

Глава 5. Тяжелая утрата

– Облава! – заорал кто-то.

Не из борцов – из тех отморозков, что явились по душу Джиана. Впрочем, мои новые соратники слово «облава» тоже знали не понаслышке.

Я, хоть и старался ни с кем близко не сходитьсь, не мог не слышать обрывки разговоров – а своё прошлое борцы вспоминали частенько. Судя по тому, что долетало до меня, мало кто из парней мог похвастаться счастливым детством. Чьи-то истории были похожи на историю Ниу, кто-то жил среди бродяг с самого рождения и другой жизни вообще не помнил – но, так или иначе, законы улицы все они знали назубок. И слово «облава» действовало на гордых борцов школы Цюань ровно так же, как на сброд, стоящий по другую сторону условных баррикад. Парни попытались броситься врассыпную.

Из прошлой жизни я помнил, что это – самая правильная тактика. Всех попрошаек не переловишь, и полиция прекрасно отдаёт себе в этом отчёт. При облаве – если только это не прицельная охота на кого-то конкретного – полицейские просто идут широким бреднем, и части бродяг при этом удаётся ускользнуть.

Вооружённый навыками прошлой жизни, в которой мне самому не раз приходилось организовывать облавы, я мог бы

убежать. Но рассудил, что смысла в этом нет. Бежать мне было некуда и незачем – всё равно пришлось бы вернуться сюда, к автобусу. Я пометался для виду, после чего позволил заломить себе руки и уронить лицом в асфальт.

Облава разворачивалась у меня на глазах. И я довольно быстро с изумлением понял, что в первую очередь полицейские целенаправленно хватают парней в разноцветных ифу.

Парни особо не сопротивлялись. Хотя у меня было время оценить уровень их подготовки, и я догадывался, что один на один каждый из борцов справится с любым из местных копов – несмотря на то, что последние вооружены дубинками и пистолетами. Вступит в бой по-серьёзному – отберёт и то и другое, а дальше у кого оружие – тот и прав. Двадцать подготовленных борцов против полувзвода полусонных мордоворотов – результат, как по мне, предсказуем.

Но ни один из борцов не попытался сопротивляться.

Поначалу, на горячке, полицейским прилетало. Некоторым – довольно жёстко, я видел, как коп, которого швырнул через себя Бохай, шмякнулся затылком о ближайшую машину. А сразу после этого увидел, как Бохай, оглянувшись по сторонам и, видимо, опомнившись, подскочил к полицейскому. Помог подняться и подставил руки под браслеты. Так же, посмотрев на вожака, поступали и другие парни. Молча, угрюмо позволяли нацепить на себя наручники.

В отличие от «уличных» – те дрались не на жизнь, а на смерть. Я видел, как Вэньмин, почти придавленный к ас-

фальту, ухитрился вывернуться из-под полицейского и ухватить его зубами за щёку. Услышал вопль и увидел, как полицейский схватился за окровавленное лицо, а Вэньмин, отоварив его трофейной дубинкой, понёсся прочь.

Полицейский выхватил из кобуры пистолет и выстрелил. Попал. Вэньмин рухнул замертво.

Местные копы были вооружены не травматами. И на поражение они стреляли, не задумываясь. Впрочем, как я успел заметить, только по разбегающимся бродягам – видимо, получили приказ борцов не трогать.

А борцы... Их останавливал не страх перед выстрелами. И не он заставлял сдаваться. Каждый из парней, когда жил на улице, прошёл не одну такую облаву. И если бы в прежней жизни борцы обладали теми навыками, которые обрели сейчас благодаря Вейжу – я не сомневался, что копам не поздоровилось бы. Но парни слишком хорошо представляли себе, что будет «после» – если кому-то из них удастся, оказав сопротивление, бежать. Ползающего на коленях перед директором, готового слизывать с земли крошево таблеток Жонга видел каждый. И каждый понимал, что в случае побега его ждёт та же незавидная участь. Школа Цюань давала парням хоть какой-то шанс выбиться в люди. На улице у них шансов не было.

Облава прошла стремительно и закончилась быстро. Трех «уличных» пристрелили, нескольким удалось смыться. Остальных вместе с нами раскидали по спецмашинам и по-

волокли в местный обезьянник.

* * *

Изолятор временного содержания в этом мире до боли напомнил школьную «консерваторию». Те же разделённые решётками, лишённые окон камеры – разве что места побольше. И подстилок нет, даже тех убогих, что были в карцере. Сидеть полагалось прямо на полу.

На входе в камеры нас рассортировали. Мы с борцами оказались в одной камере, уличные друзья Джиана – в другой, за решёткой. Разумная предусмотрительность – если бы нас перемешали с уличными, драка неизбежно вспыхнула бы снова.

Несмотря на преимущество, которое получили мы после того, как уличные лишились оружия и нескольких человек, прощать Джиану гибель Вэньмина отморозки не собирались. Судя по выкрикам, летящим в нашу сторону из-за решётки, именно Джиан был виноват в том, что Вэньмин погиб.

Его безутешные товарищи бросались на решётку, трясли её в бессильной злобе и выкрикивали проклятия. В том, что, не разделяя нас железные прутья – перешли бы от слов к делу, я не сомневался. К критическому мышлению эти парни были категорически не способны. О том, что Вэньмин сам затеял драку, спровоцировав тем самым появление полиции, никто из них уже не помнил. А если бы и вспомнил, вряд ли

счёл бы, что Вэньмин в чём-то виноват. В глазах товарищей Вэньмин однозначно погиб, как герой, и эта гибель, несомненно, оправдывала всё, что он когда-либо совершал. Будь Вэньмин сейчас жив – вполне вероятно, что свои же навешали бы, сорвали бы злость за то, что встряли, коль уж не дотягивались до Джиана. Смерть же мгновенно сделала вожака героем, а все его поступки – единственно правильными. И зло уличные пытались сорвать на нас.

В адрес Джиана летели яростные вопли. Я прислушивался к ним в надежде понять, что же такое натворил Джиан. Об этом факте его биографии осведомлён не был – хотя догадывался, что Бохай, например, точно знает, что произошло. Но из выкриков уличных следовало лишь то, что мать Джиана родила его от венерически больного осла, а самого Джиана не худо было бы отрядить к тому же ослу в качестве объекта сексуальных утех. Ничего более информативного выкрики не содержали.

Джиан поначалу отругивался, потом, повинувшись приказу Бохая, перестал. Уличные постепенно выдохлись и затихли. Дальше переговаривались уже между собой – вероятно, обсуждали свою дальнейшую участь.

Борцы занимались тем же самым.

– Консерватория, – уныло сказал Бэй. – Сутки на рыло, не меньше.

– Сутки – это легко отделаемся, – буркнул Бохай.

– Угу. И Вейж ещё всыплет.

– Это уж как пить дать...

Из разговора борцов я с удивлением понял, что задерживаться в обезьяннике и нести хотя бы административную ответственность за драку в общественном месте, ущерб, нанесённый имуществу граждан (я одних только побитых машин насчитал с десятков) и телесные повреждения, которые благодаря им получили уличные, никто из борцов не планирует. Парни боялись наказания, которое получают в школе. Всё. Ответственность за совершённые правонарушения их не беспокоила от слова совсем, они обсуждали лишь, как скоро отсюда выберутся. В самом факте того, что выберутся, ни секунды не сомневались.

И, как выяснилось вскоре, оказались правы.

К решётке, отделяющей камеры от коридора, подошёл какой-то человек в сопровождении двух надзирателей.

Разговоры и в нашей камере, и в камере соседей мгновенно смолкли. Кем бы ни был этот человек – его появления ждали.

Он был одет в строгий деловой костюм, подмышкой держал кожаную папку. Небрежно завязанный галстук, туфли из тонкой кожи, предназначенные явно не для того, чтобы месить уличную грязь – в местной моде я не разбирался, но даже мне стало понятно, что одежда и обувь посетителя стоят подороже многих машин, стоявших на парковке у торгового центра.

Человек застыл у решётки, глядя на нас. Борцы под его

взглядом тушевались и опускали глаза, вместе с тем стараясь принять благочестивые позы. Получалось это, сидя на полу, не очень.

Человек вздохнул и укоризненно покачал головой. Открыл папку и вынул из неё лист бумаги.

– Я буду называть фамилии, – сказал он. – Каждый, кого назову, должен выйти в коридор и встать лицом к стене. – Кивнул одному из надзирателей. Тот, погремев ключами, отпер и распахнул дверь.

– Бохай Ван! – принялся зачитывать по листу человек.

Бохай поднялся на ноги, сложил руки за спиной, вышел из камеры и замер, уткнувшись лицом в стену.

– Ронг Ли!

Ронг поднялся, вышел и встал рядом с Бохаем.

– Лей Ченг!

Меня будто обожгло. Я сидел на полу, не в силах пошевелиться.

– Лей Ченг, – повторил человек и вопросительно обвёл нас глазами.

Кто-то – кажется, Бэй – толкнул меня в плечо.

Я поднялся и на ватных ногах, кое-как дошагал до стены коридора. Встал рядом с Ронгом.

– Фу Чжао! – продолжил человек.

Меня придавило к полу не осознание того, что свою фамилию узнал через полгода после того, как оказался здесь. Надо бы, кстати, на всякий случай еще и дату рождения

узнать. Хотя бы выяснить, сколько мне лет – лишней информация точно не будет. Меня прибило узнавание фамилии. Моего лучшего друга – того, что погиб в перестрелке, – звали Джен Ченг. Фамилия не редкая, но и не самая распространённая. Теперь, как выяснилось, её носил я.

После того как нас выстроили в коридоре, человек с папкой задумчиво прошёлся вдоль ряда. И вдруг гаркнул:

– Совсем страх потеряли, подонки?!

Я покосился на него с удивлением – не сразу понял, что обращается он не к нам. А к тем, кто сидит в соседней камере.

«Подонки» жалобно, вразнобой заголосили – в том духе, что ни в чём не виноваты, шли по своим делам и никого не трогали, мопед не мой, я просто объяву разместил.

– Молчать! – рявкнул человек с папкой. – К вашей кодле и без того накопилось немало вопросов. А уж то, что вы совершили сегодня – это последняя капля. Жаль, что вашему вожак вышибли мозги без меня. Я с удовольствием сделал бы это сам.

«Кодла» испуганно притихла.

– В день, когда нас постигла такая утрата, – горько проговорил человек. – В день, когда весь наш клан замер от горя, вы... У меня просто слов нет. – Бросил нам: – На выход.

– А с этими что? – спросил кто-то из надзирателей. Имея в виду, очевидно, уличных.

– Я бы перестрелял их, как собак, – презрительно бросил

человек. — Но решать, к сожалению, не мне. Пока пусть сидят и молятся на милосердие клана; что с ними делать, решат позже. Сейчас не до них.

Нас по одному вывели из изолятора на улицу. На парковке стоял знакомый автобус. По тому, как подобострастно кланялись воспитатели человеку с папкой, я понял, что наконец-то увидел настоящего представителя могущественного клана. Это была не нанятая марионетка, как господин директор Ган, а человек, обладающий реальной властью. Он явно имел право карать и миловать любого из нас или уличных по своему усмотрению.

Но гораздо больше, чем сам представитель клана, меня почему-то обеспокоили его слова о тяжёлой утрате. Интересно, что он имел в виду?..

Воспитатели, помахивая дубинками и грозя всеми карами небесными, погрузили нас в автобус. Двери закрылись, водитель выехал с парковки на улицу.

Радио в салоне автобуса работало постоянно, но обычно его не было слышно — перекрывали голоса борцов.

Сейчас в салоне стояла виноватая тишина. И в этой тишине я с удивлением расслышал, что вместо попсовых песенок и спортивных новостей по радио транслируют печальную, трагическую музыку. Музыка крайне удачно попала в настроение — ожидание по прибытию в школу неминуемой расплаты. Разговоры в автобусе смолкли окончательно.

А вскоре прервалась и музыка. Для того чтобы диктор —

вероятно, уже не в первый раз, – зачитал сообщение о тяжёлой утрате, постигшей сегодня клан Чжоу.

Оказывается, его глава скоропостижно скончался.

Глава 6. Наказание

Обычно мы возвращались в школу засветло. В этот раз половину дня провели в обезьяннике и приехали только к вечернему построению.

Ученики, закончив работу, выстроились во дворе, ожидая развода в душевые. Мы, как правило, заканчивали тренировки в то же время и в душевые отправлялись первыми – ещё одна привилегия борцов. Я думал, что нас погонят на помывку сразу, как только выйдем из автобуса, но воспитатели приказали встать в строй.

На нас с нескрываемым интересом таращились восемьдесят пар любопытных глаз. По строю шелестел осторожный шёпот. Объяснимо, в общем-то – по нашему облику было заметно, что в городе не на массаж ступней ходили. Многие несли на лицах боевые отметины, да и в целом помятость от сидения в обезьяннике присутствовала. Хотя ученики, судя по восхищённым лицам, успели приписать нам как минимум победу над мировым злом. Напрямую вопросов никто не задавал, разговоры во время построения были запрещены.

Я разглядел в толпе встревоженное лицо Ниу и изнывающее от любопытства – Тао. Постарался изобразить мимикой, что со мной всё в порядке.

А едва мы успели встать в строй, как стало ясно, для чего в нём оказались – из административного корпуса вышел

директор. Без пальто, с непокрытой головой. Под костюмом, вместо белоснежной рубашки – траурная чёрная.

Директор встал перед строем. Шепотки стихли, едва он успел отойти от корпуса. Мы встречали господина Гана мёртвой тишиной.

Директор немного постоял, покачиваясь с носков на пятки. И заговорил – как обычно, ни к кому конкретно не обращаясь, глядя как будто мимо нас:

– Как все вы уже знаете, клан Чжоу, давший вам пропитание и крышу над головой, сегодня постигла тяжёлая утрата. У меня не хватает слов для того, чтобы описать горечь этой трагедии и скорбь, которую испытывают сегодня все представители клана. – Я подумал, что «не хватает слов» сегодня уже слышал. Траурные речи власть имущих разнообразием не отличались. – Уверен, что каждый из вас сейчас задаёт себе вопрос: что можем сделать мы для того, чтобы поддержать клан в это тяжёлое для него время? – Директор снова ни к кому конкретно не обращался. В этом не было необходимости, ответ он уже придумал. – В это тяжёлое время наш святой долг – работать! Работать на благо клана, беззаветно и с полной отдачей.

– Ясно. Хрен нам, а не праздник, – услышал я чуть слышный шёпот позади себя.

Первое число месяца – через три дня. Праздника ждали все, не только борцы.

Директор тут же подтвердил предположение:

– Праздник отменяется. Работа! Работа во имя клана Чжоу. И пусть каждый из нас сделает всё, что от него зависит. Я скорблю вместе с вами. – Директор трагично опустил голову.

Ученики угрюмо молчали. Теперь их лица тоже выражали неподдельную скорбь. Так, скорбя, мы простояли с минутой. После этого директор обвёл нас глазами, словно впервые увидел. Задержал взгляд на мне. Приказал:

– Зачинщики безобразной драки на парковке – ко мне в кабинет. Остальные – на помывку. – Развернулся и пошёл к себе в корпус.

* * *

Джиану директор не сказал во дворе ни слова, однако он угрюмо потопал вместе со мной. Видимо, рассудил, что прикинуться не имеющим отношения к «безобразной драке» у него не получится. В какой момент к нам присоединился Вейж, я не разглядел. Просто вдруг обнаружил, что учитель идёт по коридору вместе с нами. Джиан, заметив учителя, втянул голову в плечи. Я поймал себя на желании сделать то же самое – палкой по хребту могло прилететь в любой момент. За четыре месяца тренировок я успел запомнить, что либеральностью педагогика Вейжа не отличается. Вопросов учитель не задавал, мы с Джианом тоже помалкивали.

В кабинете директора я оказался впервые. Джиан, судя по

тому, с каким любопытством принялся озираться по сторонам, тоже. Хотя озираться, как по мне, было совершенно не на что – обычный кабинет начальника средней руки.

Большой письменный стол и шкафы из тёмного дерева, на стене над головой директора – два портрета. Один из них был убран траурной лентой, я сообразил, что это – свежепоставившийся глава клана Чжоу.

Директор уселся за стол, в кожаное кресло. Перед столом стояли два стула – для посетителей, но Вейж садиться не спешил. Мы с Джианом держались позади него.

– Слушаю, – сказал директор. Откатился от стола вместе с креслом и сложил на груди руки. – Если у вас, господин Вейж, есть что сказать в оправдание этих двух дегенератов, по какой-то нелепой случайности оказавшихся в рядах ваших учеников, я готов выслушать. Можете присесть, если хотите. – Он милостиво кивнул на стулья.

– Благодарю вас, – не шелохнувшись, отозвался Вейж. – В мои годы стоять – полезнее, чем сидеть. А оправдаться мне нечем. Мои ученики действительно вели себя безобразно. И то, что они устроили этот постыдный дебош в день, когда клан Чжоу облачился в траур, лишь усугубляет их вину.

В прошлой жизни я непременно возразил бы, что ни Джиан, ни я понятия не имели ни о каком трауре. В школе нас содержали в полной изоляции от внешнего мира, радио в автобусе, пока мы ехали в город, ни о чём не сообщало – должно быть, трагическую музыку запустили позже. В торговом

центре мы не общались ни с кем, кроме друг друга, это было строжайше запрещено, нарушители карались лишением «прогулок». Нам было попросту неоткуда узнавать последние новости – и учителю Вейжу это было известно так же хорошо, как нам. Но он стоял, смиренно опустив голову. А значит, нам с Джианом полагалось делать то же самое.

– На вашем месте, господин Вейж, – надменно сказал директор, – я прилагал бы больше усилий к тому, чтобы поведение ваших учеников хоть в чём-то отличалось от уличных бродяг! Понимаю, что горбатого могила исправит, и избавить ваших подопечных от порочных навыков, обретённых на той же улице, непросто. Но хочу напомнить, что клан выделяет на их содержание бюджет, сопоставимый с тем, который приходится на долю остальных учеников. И за свои деньги клан хочет наблюдать победы на турнирах, а не драки на улицах! Это понятно?

– Понятно, господин директор.

– Не хотелось бы напоминать о том, что ваши борцы не приносили нам победу долгих три года, – продолжил директор, – но вы просто вынуждаете меня это делать.

– В этом году мы вернёмся с турнира с победой, – сказал Вейж.

Голос его звучал по-прежнему негромко и покорно. Но я вдруг понял, что старик здорово задел за живое. А директор, скотина, похоже, этого и добивался. Он саркастически приподнял брови:

– Вот как?

Вейж промолчал.

– Что ж, идите. И я настоятельно рекомендую вам приложить максимум усилий к тому, чтобы добиться победы на турнире. Все инструменты для этого у вас есть, – директор ухмыльнулся и указал на палку в руках у Вейжа. – В противном случае – сожалею, но мне придётся поднять вопрос о том, чтобы расстаться с вами и попросить куратора о замене наставника для борцов кем-то другим.

Вот же гадина! У меня аж скулы свело от желания врезать по этой наглой лоснящейся роже. Живо представил себе, как хватаю директора за загривок и впечатываю мордой в стол.

Не удивлюсь, если и Вейж испытывал нечто похожее. Но он не сказал ни слова. Молча повернулся, собираясь уходить.

– Ах, да, – сказал директор.

Ну конечно. Куда же без «ах, да»! Самому себе этот гад казался, наверное, воплощением коварства. Поиграл с Вейжем и с нами, как кошка с мышью, убедил в том, что удастся избежать наказания – а в последний момент о нём «вспомнил».

– Этих двоих – на общие работы, в цех. Пусть докажут, что могут быть хоть в чём-то полезны клану, если от их размахиваний кулаками – одни убытки. И имейте в виду. – Директор подкатился в кресле ближе к столу, опёрся о него руками. – Ещё хоть одна стычка – неважно, друг с другом или нет, – и до турнира я их не допущу! Это понятно?

– Понятно, господин директор, – всё так же покорно кивнул Вейж. – Я попрошу Шена поставить их к бассейну, вываривать брёвна. Им обоим хорошо знаком этот производственный участок.

Я мысленно поаплодировал. Вот уж от кого не ожидал такого взрывного остроумия.

– И никаких стычек, – повторил директор.

Как мне показалось, слегка разочарованно. Ни Вейж, ни мы с Джианом не стали молить о пощаде и даже не спросили, сколько времени продлится ссылка на общие работы.

– Разумеется, господин директор. Они хорошо знают, к чему приводит несоблюдение техники безопасности вблизи кипящего бассейна.

Если до сих пор мне хотелось прибить директора, то сейчас поймал себя на мысли, что и Вейжа с удовольствием огрел бы его же палкой.

Мы вышли из кабинета.

– Завтра вместо тренировки вы пойдёте в цех, – не глядя на нас, сказал Вейж. И величавой поступью удалился.

– Бесится, – угрюмо прокомментировал его уход Джиан.

– Да? Ну спасибо, что сказал. А то без тебя бы не догадался.

Джиан тут же ошетинился, но, видимо, сообразил, что выяснять отношения у дверей директорского кабинета – не лучшая идея. Процедил сквозь зубы ругательство и быстро пошёл прочь.

За ужином я, как всегда теперь, сидел за столом борцов. За столом черепах видел Ниу и Тао, но подойти к ним было бы нарушением всех неписаных правил школы Цюань. Обычный ученик, по растерянности или незнанию, мог подойти к столу борцов – как это сделал я в свой первый день. Такое порой случалось. А вот для того, чтобы борец приблизился к столу учеников, ему требовался очень весомый повод. Обычная приятельская болтовня борцов с учениками не приветствовалась даже на прогулке, не говоря уж о столовой. После того как ученик проходил испытание и становился борцом, он словно закрывал за собой дверь в мир старых приятелей. Поднимался на ступеньку выше, превращался в школьную элиту. И общение с теми, кто остался внизу, автоматически становилось чем-то почти неприличным.

Лично мне на свою нынешнюю «элитность» было глубоко плевать, и на цюаньский этикет я бы тоже с удовольствием наплевал – но останавливало то, что Ниу или Тао такое поведение скорее удивит, чем обрадует. Не мне бороться с менталитетом, формировавшимся тысячелетиями. И в столовой я неизменно шёл к столу борцов, надменно глядя мимо всех прочих.

На ужин мы с Джианом по милости директора едва не опоздали, и ел я быстро. Но всё же обрывки разговоров успел

ухватить. Узнал, что борцов, к их удивлению, не загнали в консерваторию и вообще никак не наказали – если не считать того, что по спинам прогулялась палка Вейжа. Да и то, заметил Ронг, наспех и больше «для порядка».

– Скорбь по почившему главе, – объяснил Бохай, – не до нас. Если уж в нашей навозной куче такой переполох – можно себе представить, что творится сейчас в Совете клана.

– А что там творится? – простодушно спросил Фу.

– За сплетни о Совете – два предупреждения, – ухмыльнулся Бохай.

Но потом смиростивился и наклонился к середине стола. Борцы тоже наклонились, чтобы лучше слышать.

– Глава клана не был больным стариком, – понизив голос, сказал Бохай. – Он был сильным, здоровым мужчиной. Он не собирался умирать так рано, поэтому не оставил преемника. И в клане сейчас идёт борьба за власть.

Кто-то из парней присвистнул. Бохай двинул ему по шее. И сказал, снова откидываясь назад:

– Только я вам этого не говорил.

Борцы, выражая лицами понимание серьёзности момента, покивали.

– И если в школе Цюане есть место, где я не советую обо всём этом трепаться, то вы сейчас находитесь именно там, – закончил Бохай. – В нашей комнате – ещё ладно.

Борцы, поняв намёк, задвигали табуретками, выходя из-за стола.

– Лей, – окликнул Бохай, – ты-то заглянешь после отбоя? Как-никак, вы с Джианом сегодня – герои.

– Императоры парковки, – фыркнул кто-то. – Короли гопников!

Остальные с готовностью заржали.

– Постараюсь, но не обещаю, – уклончиво отозвался я.

Бохай, ухмыльнувшись, выразительно оглянулся на стол черепах.

– Мне одному кажется, что я знаю, куда будут направлены твои старания?

Борцы снова заржали. Я развёл руками.

– Что поделать. Нестарательные парни умирают одиноками. А мне больше по душе идея скончаться в объятиях обнажённой красавицы. – Я отставил пустую миску, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Приём таблеток давно успел стать для меня привычным делом. Мне уже не требовалось призывать на помощь жёлтого дракона – мой неукротимый дух и без меня прекрасно знал, что ему делать. Гораздо больше, чем приём вечерней таблетки, меня беспокоило то, что в спальне, пока мы ужинали, воспитатели могли устроить обыск.

Перешагнув порог, выдохнул – не похоже, что обыскивали. Теперь ещё спровадить бы отсюда Ронга, моего сосе-

да-борца.

Ронг, впрочем, сам, едва войдя, собрался уходить – наверное, не терпелось потрепаться в общей комнате с остальными. Перемыть кости клану Чжоу, его почившему главе и возможным преемникам. Ронг вытащил из тайника под кроватью две банки контрабандного пива, привезённого сегодня из города, спрятал под ифу. Вопросительно посмотрел на меня:

– Лей, ты идёшь?

Я покачал головой:

– Не сейчас. Может быть, позже. Устал.

Ронг понимающе ухмыльнулся.

– Что ж, желаю хорошо отдохнуть. Смотри, не усни в процессе – девушки это не очень любят. – Загоготал и ушёл.

А я, дождавшись, пока стихнут его шаги в коридоре, встал и откинул с кровати матрас. Спрятать своё приобретение как следует не успел – в спальню перед ужином удалось забежать буквально на минуту. Увидев, во что превратился свёрток под матрасом и моим весом – не стоять же было посреди спальни! – выругался от досады.

И вздрогнул – в дверь постучали.

Глава 7. Напарники

– Привет. – Ниу проскользнула в полуоткрытую дверь неслышно, словно привидение.

И застыла у порога – как всегда.

Сколько уже встречаемся, а подойти ко мне первой, обнять – не решается. И смотрит каждый раз пытливо, как будто спрашивает: «Ты не передумал? Я тебе по-прежнему нравлюсь?»

– Привет. – Я улыбнулся, шагнул к ней. Прижал к себе, поцеловал в губы. – Как ты тут?

– Всё хорошо. А ты как? – Ниу чуть отстранилась, заглянула мне в глаза. – Что случилось в городе, почему вы так поздно приехали? В школе чёрт-те что болтают, я так переживала! Еле дождалась отбоя. – Провела пальцем по засохшей ссадине на моей щеке. – Что это?

– Привет от старых друзей Джиана.

Ниу охнула:

– Вас избили?

– Да не сказал бы. Тут, видишь ли, спорный вопрос, кто кого избил.

– А...

– Чш-ш. – Я прижал палец к её губам, обрывая новый поток встревоженных вопросов. – Я жив, здоров. Всё в порядке. А к тому, что на теле борца иногда появляются царапи-

ны, его девушке пора бы привыкнуть.

Ниу вздохнула:

– Я, наверное, никогда не привыкну. Ужасно волнуюсь за тебя. Ты такой... – Она помолчала, подбирая слово. – Такой неосторожный!

Я засмеялся.

– Не смейся, Лей! Ну, пожалуйста.

– Извини. Просто представил себе, во что превратятся поединки, если борцы будут следовать твоим наставлениям и соблюдать осторожность. Боюсь, что эту богадельню клан прикроет максимум через неделю.

– Вот бы было хорошо, – мечтательно вздохнула Ниу. – Ты бы не поехал на турнир, и мне не пришлось бы волноваться.

– Возможно. Но и выбраться отсюда у нас не получилось бы.

Ниу поникла.

– Эй! – Я потрепал её по плечу. – Ну-ка, не грустить! Отвернись на минутку.

– Зачем? – удивилась Ниу.

– Хочу изменить облик.

– Э-э... – Ниу подвисла. – Ты хочешь переодеться? Но... – не договорила, вспыхнув.

«...Но я тебя уже столько раз видела голым, что это как-то странно». Понимаю, да. Сам бы удивился.

– Не совсем. Отвернись.

Ниу недоуменно отвернулась.

А я вытащил из-под подушки свёрток, который сунул туда, услышав стук в дверь. Ещё раз с сожалением оглядел когда-то нарядную, а теперь безнадёжно мятую упаковку. Разорвал её, обрывки затолкал под кровать. И сказал Ниу:

– Поворачивайся.

Она оглянулась – всё ещё с недоумённым лицом. А в следующее мгновение недоумение сменило выражение детского восторга.

– Ох... Лей! Это... это – мне?!

Я держал на вытянутых руках платье – ципао. Тёмно-синее, атласное, расшитое райскими птицами всех мыслимых цветов. Продавщица в магазине уверяла, что любая девушка будет счастлива получить такой подарок, сейчас традиционный стиль – на самом пике моды. Я в женских тряпках даже во взрослой жизни не разбирался, и оставалось только довериться продавщице. Сейчас, глядя в полные восторга глаза Ниу, понял, что не прогадал.

– Нет, ну что ты. Это Куану. Как думаешь, подойдёт?

Ниу счастливо рассмеялась.

– Держи. – Я вручил платье Ниу. – С днём рождения.

– Ой! – Ниу всплеснула руками. – И правда! Мне же сегодня шестнадцать. Откуда ты...

– Прости, что утром не успел поздравить. – Я оборвал неудобный вопрос, поцеловав её. – Примеришь?

– Сейчас?

– Ну а когда?

Глаза у Ниу снова вспыхнули от восторга, а потом она вдруг густо покраснела. Еле слышно попросила:

– Хорошо. Только теперь ты отвернись.

Я с трудом подавил смешок. И послушно отвернулся. Сколько нужно Ниу времени на то, чтобы перестать меня стесняться, даже не пытался загадывать.

Терпеливо ждал, пока за спиной перестанет шуршать ткань. И думал о том, что если бы Ниу встала чуть правее – я видел бы её отражение в тёмном оконном стекле полностью. А с такого ракурса приходилось довольствоваться только отдельными фрагментами. Ниу всё-таки поразительно наивна.

– Смотри, – разрешила Ниу.

Я обернулся.

Ниу и до сих пор-то считал красавицей, а нарядное платье её вовсе преобразило. Я даже не ожидал такого эффекта, ни одна девушка на моей памяти не становилась настолько другой, просто-напросто сменив одежду. Возможно, дело было в том, что я привык видеть Ниу в неизменном чёрном ифу – мешковатом, с широкими брючинами и длинными полами куртки, скрывающим фигуру так, что только по длине волос и можно определить, парень перед тобой или девушка. А платье не скрывало, оно подчёркивало. Тонкую талию, высокую грудь, ослепительные ноги...

– Ты потрясаяще красивая, – честно сказал я. – Я прямо сам себе завидую, правда.

Ниу засмеялась счастливым смехом. Поделилась:

– У Мейлин есть карманное зеркальце. Попробую себя рассмотреть.

– Есть способ получше.

– Какой?

Вместо ответа я взял Ниу за талию, поднял и поставил ногами на тумбочку.

– Смотри. – Развернул её лицом к тёмному стеклу.

Ниу ахнула. Всплеснула руками и завертелась перед импровизированным зеркалом. А я, стоя рядом с ней, любовался искренним, почти детским счастьем и думал о том, что хочу запомнить это мгновение. Когда станет хреново, я буду его вспоминать.

Я так и думал – «когда станет», а не «если». Слишком уж сильно трепала меня судьба для того, чтобы строить на сей счёт какие-то иллюзии...

– Лей! Что с тобой? – Ниу встревоженно наклонилась ко мне. – У тебя странное лицо.

– Всё в порядке. Не обращай внимания.

Я обнял Ниу, разглядывая её с необычного ракурса.

Руки ощутили стройные бёдра. Разрез на узкой юбке оказался прямо перед моим лицом. Я скользнул ладонями по ногам Ниу. Провёл пальцами вдоль разреза, забираясь под ткань. Почувствовал, как дрогнули ноги девушки, увидел, как заалели её щёки.

– Лей...

– Иди ко мне.

Желанием накрыло мгновенно – как всегда в этом теле. Как, наверное, и полагалось в мои шестнадцать. Я подхватил Ниу на руки. Мы давно знали, как нужно устраиваться на моей узкой койке – так, чтобы она не скрипела.

* * *

Утром, проснувшись, я вспомнил о Ниу и улыбнулся. А через секунду вспомнил о том, что вместо тренировки с борцами иду сегодня в цех, и улыбаться перестал. Выругавшись, поднялся и принялся делать гимнастику.

На построении во дворе перед разводом я встал с черепахами. И увидел, как с другой стороны двора от толпы борцов отделился Джиан и угрюмо направился к птицам. По привычке, видимо, сначала встал с борцами.

Джиан бесцеремонно раздвинул птиц и замер между двумя незнакомыми мне парнями в красных ифу – с независимым выражением лица.

– Ух ты, – немедленно окликнули Джиана, – кто это вдруг решил почтить жалких учеников своим благородным присутствием? Неужели сам Джиан?

Мне не нужно было присматриваться, чтобы узнать говорящего. Зиан. Язык у этого парня – натуральное помело, на привязи совсем не держится.

– Почему ты не с борцами, Джиан? – с фальшивым участием продолжил допрос Зиан. – Тебе надоели твои новые

братья, или ты вдруг соскучился по старым?

– Соскучился, – подхватил кто-то, – аж позеленел с тоски.

– Ага, пришлось фингалом обзавестись. Чтоб дорогу под-
свечивал.

Ученики заржали. Полученный Джианом во вчерашней стычке фингал за ночь заплыл и действительно почти светился.

– Ходят слухи, что турнир борцов в этом году вообще отменят – из-за смерти главы клана. Тогда всех борцов переведут обратно к нам.

– А Джиан, видимо, первая пташка.

– О, да! Гордая красная птица. Самая быстрая! Ты ещё не забыл, с какой стороны братья за лопату, Джиан?

– Если подойдёшь к станкам, будь осторожнее. Твои шикарные волосы могут застрять между шестернями.

– Ну что ты, кто ж его пустит к станку? Борцам полезен свежий воздух. Джиана наверняка отправят к нам, на распи-
пил!

Насмешки продолжались. Джиан стоял, сцепив руки за спиной, словно скала. Он смотрел прямо перед собой, на окрики подчёркнуто не реагировал и даже головы не поворачивал. Будь на месте Джиана простой ученик – насмешками дело наверняка бы не ограничилось. А Джиана трогать не решались. Подошедший вскоре воспитатель пересчитал нас и велел отправляться в цех.

Лишь уходя со двора, я подумал, что мне, когда присоеди-

нился к строю, ни черепахи, ни другие ученики не задали ни единого вопроса. Даже Тао промолчал – хотя его наверняка распирало от любопытства, хватило ума прилюдно не расспрашивать. А остальные, видимо, просто не решились. Ну или такого злорадства, как Джиан, я ни у кого не вызывал.

* * *

Как и обещал Вейж, нам с Джианом Шен велел отправляться к бассейну. Нагревали бассейн два здоровенных котла, работающих на угле. Их следовало растопить, заложить в бассейн неошкуренные брёвна, нагреть воду и подбрасывать в котлы уголь до тех пор, пока не настанет пора вынимать закладку.

С котлами мы с Джианом возились, не глядя друг на друга и делая вид, что каждый из нас находится здесь в гордом одиночестве. А когда пришла пора закладывать брёвна, стало ясно, что в одиночку с этой операцией не справиться. Брёвна нужно было таскать вдвоём. Совместная работа нас не сказать, чтобы сблизила. Но и собачиться, ворочая брёвна и пыхтя возле котлов, было не с руки. И без того тяжело, не хватало ещё тратить силы на выяснение отношений. После обеда и прогулки, когда мы вновь подошли к горе брёвен возле бассейна и одновременно наклонились, внезапно стало ясно, что у нас получилось сработаться.

Во время вынужденного перерыва, когда мы загрузили

очередную порцию брёвен и на ближайшее время обеспечили котлы углём, присели возле гигантской поленницы отдохнуть.

Джиан, с вызовом глядя на меня, вытащил из-за пазухи мятую пачку сигарет, из кармашка на поясе – зажигалку, и закурил.

– Заповеди борца, – напомнил я.

Одна из заповедей гласила, что борцу негоже употреблять табак и алкоголь.

– А где ты видишь борца? – выпустив дым, криво усмехнулся Джиан. – Борцы сейчас – на тренировке.

И то верно. Я привалился спиной к брёвнам рядом с ним.

– Послушай. А чем ты так насолил тем парням? Вэньмину, мир его праху, и другим?

– А тебе-то какое дело?

– Никакого. Но, если помнишь, я дрался вместе с тобой. Вот и стало интересно – за что кровь-то проливал?

Джиан, помедлив, вместо ответа протянул мне пачку сигарет. Я машинально, на автомате мотнул головой:

– Спасибо. Бросил.

Джиан кивнул. И нехотя, сквозь зубы проговорил:

– Моего отца посадили в тюрьму за долги. Мать заболела и вскоре умерла, я оказался на улице. Мечтал расплатиться с долгами отца и освободить его. В банде прижился, быстро пошёл вверх. За год неплохо поднялся. Вожаком тогда был не Вэньмин – другой парень, постарше. А мы с Вэньмином

ходили в его подручных. Однажды мы... ну, в общем, у нас на руках оказалось достаточно денег для того, чтобы закрыть отцовский долг.

Я молча кивнул. Откуда взялись деньги, спрашивать не стал – и так понятно. Ограбили богатого туриста. А может, посчастливилось удачно вскрыть какую-то машину.

– Я обманул Вэньмина и сбежал, – закончил Джиан. – Но расплатиться не успел – меня взяли с этими деньгами. О том, что отец умер и деньги ему больше не нужны, узнал уже во время допросов. – Он замолчал.

Молча курил, я тоже ни о чём не спрашивал.

– Прохлаждаемся?! – рявкнул вдруг появившийся неизвестно откуда Шен. – Ах, ещё и курим!.. По консерватории соскучились?!

Джиан повернулся к нему – неторопливо, не выпуская из пальцев сигарету.

– У нас производственный перерыв, – глядя Шену в глаза, спокойно и нагло сказал он. – Котлы топят, чурки варятся. Иди своей дорогой, Шен. Не беси меня больше, чем твои проклятые брёвна. Не порть себе статистику несчастными случаями.

– По предупреждению обоим, – буркнул Шен. И отошёл. Джиан, затянувшись в последний раз, молча затушил окурок.

* * *

К вечеру я мечтал об одном – поскорее добраться до постели. Если бы не Ронг, то и дело бросающий на меня сочувствующие взгляды, с удовольствием рухнул бы в неё, не раздеваясь.

Я заснул раньше, чем наступил отбой. А проснулся от стука в дверь. Негромкого – Ронг как дрых, так и продолжал дрыхнуть.

А меня словно подбросило. Идя к двери, я уже знал, кто стоит за ней.

Открыл.

– Одевайся, – безапелляционно сказал Вейж. – Идём.

Глава 8. Бей подушку

Что-либо объяснять по дороге Вейж не посчитал нужным. Я, пока шёл, крутил головой, пытаюсь высмотреть Ниу, но её не было видно. Впрочем, если придёт и не обнаружит меня, то явно сообразит, где я. В Цюане сложно потеряться так, чтобы тебя не нашли.

– А это ещё что такое? – удивился я, когда мы вошли в ярко освещённый зал.

Красная куртка-ифу валялась на стойке с гантелями, в то время как голый по пояс Джиан пыхтел под штангой, лёжа на силовой скамье.

– Джиан! – крикнул Вейж и стремительным шагом приблизился к скамье. – Сколько раз нужно тебе повторять, чтобы ты не смел делать это упражнение без страховки?

Сухонькая рука учителя была, как я знал, достаточно сильной. Штангу он рывком вернул на стойки, так что Джиан даже вздрогнул он внезапно исчезнувшей нагрузки.

– Там и веса-то почти нет, – буркнул он. – Я просто разминался.

Удар палкой по темени он прощёлкал. Редко кто из борцов умудрялся успеть среагировать на учительский жезл мудрости.

– Тебе доверили чужое имущество! – повысил голос Вейж. – И ты обязан обращаться с ним с превеликой осто-

рожностью. Я не принимаю оправданий. Тебе запрещено погибать вне боёв.

– Какое имущество? – не догнал Джиан.

Вейж молча стукнул его палкой по груди. Джиан всё равно не понимал.

– Речь о твоей туше, дубина, – сказал я.

Джиан перевёл на меня взгляд. Глаза мгновенно налились кровью.

– А он тут зачем?

– Угу, тот же вопрос, – подхватил я.

– Встать, оба, – скомандовал Вейж. – На ту половину.

Я уже стоял, Джиан поднялся и вразвалочку пошёл на половину, предназначенную для боёв. Вейж направился за ним, я замкнул шествие. Худший из возможных способов провести эту ночь... Как будто мне мало было Джиана днём.

– То, что вы отбываете наказание, не избавляет вас от тренировок, – сообщил Вейж. – Подготовьтесь к бою.

Мы с Джианом встали друг против друга. Глядя на его кислую физиономию, я словно увидел отражение собственной. Ничего соблазнительного в том, чтобы подраться на глазах учителя, мы не видели. Тренировка есть тренировка. Тренироваться лучше с тем, кого ты не ненавидишь. А драться лучше один на один, без свидетелей. Смешивать два этих ремесла есть тьма охотников, но я не из их числа.

Вейж, однако, согласия ни у меня, ни у Джиана не спрашивал. Джиан вслед за мной встал в боевую стойку.

– Бой, – коротко приказал Вейж.

Джиан бросился на меня, я попытался швырнуть его, используя инерцию, но Джиан достаточно успел приноровиться к моему стилю боя. Вовремя остановился и заменил борцовскую атаку прямым ударом.

– Стоп, – воскликнул Вейж, когда мы оба рухнули на пол, сцепившись в попытке разорвать друг друга на куски. – Встать.

Мы встали.

– Вам обоим нужно понять одну простую вещь. Пока вы борцы, вы – в одной упряжке. Ваши конфликты не приносят выгоды клану Чжоу, а значит, приносят убыток. И я научу вас держать своё отношение к спарринг-партнёру глубоко внутри. Джиан, встань к стене.

На стенах висели боксёрские подушки, и Джиан не сразу понял, куда именно ему требуется встать. Вейж направил его ударом палки. Джиан встал спиной к широкой подушке, которую могли лупить одновременно два борца.

Вейж не тренировал всех борцов одинаково. Он присматривался к каждому, определял его сильные и слабые стороны, и уже на основании этого выстраивал тренировочную стратегию. Здоровяки вроде Бохая или того же Джиана нарабатывали силу удара, упражняясь с железом и долбя боксёрские снаряды. Это было логично. Если уж обладаешь горой мышц – глупо её не использовать. Если есть возможность вырубить противника одним ударом – надо вырубать, чего

зря время тратить.

Таких, как Бэй, Ронг или я, Вейж не заставлял прокачивать силу больше необходимого минимума. Зато реакцию, скорость и ловкость мы оттачивали до бесконечности.

– Лей, подойди, – скомандовал Вейж.

Я приблизился к Джиану, который, стоя у стены, напоминал военного преступника, подготовившегося к расстрелу. Как оказалось, примерно так дело и обстояло.

– Ты бьёшь, – сказал Вейж. – Джиан, ты не двигаешься.

– Что? – вытаращил глаза Джиан.

– Лей, ты сегодня отрабатываешь удар на подушке. Можешь выместить на ней всю свою злобу.

Мы с Джианом несколько секунд смотрели друг на друга, осмысливая услышанное. Потом я поднял руку и врезал кулаком в коричневый коззам. Кулак ударил рядом с ухом Джиана. Глаза его сощурились. Если бы они могли метать лазеры, мне бы точно половину головы срезало.

– Технически верно, но сегодня я хочу видеть силу, – сказал Вейж. – Однако помни: ты работаешь со снарядами. Если причинишь хоть небольшой вред имуществу клана Чжоу – заплатишься.

С ненавистью и тоской глядя на Джиана, я ударил вновь. Не дожидаясь особого приглашения, ударил с правой, добавив собственного веса.

– Сильнее! – прикрикнул Вейж. – Кого ты собираешься повергнуть таким ударом? Лягушонка?

Джиан нервно засмеялся, а я, стиснув зубы, продолжал избивать подушку вокруг этой мерзкой рожи. Как бы хотелось «случайно» врезать ему в челюсть, или сломать нос! Я заметил, что кулаки Джиана сжаты и подрагивают. Ему тоже очень хотелось случайно, рефлекторно дёрнуть рукой мне навстречу.

– Быстрее! – подгонял Вейж. – Чётче работай!

Я сменил «толкающие» удары на «хлёсткие». Кулаки молотили жёсткую подушку. Надо же, Вейж – прям психолог: «Злишься – бей подушку. Только на этой подушке будет голова человека, которого ты ненавидишь».

Надо сказать, что-то из этого получалось. Я постепенно перестал обращать внимание на Джиана и сосредоточился на технике. Начал стараться бить неожиданно, менять позицию.

– Пляшешь, как девчонка, – вывел меня из едва обрётённого транса издевательский голос Джиана. – Это тебя Ниу научила?

Мой кулак замер в миллиметре от его носа. Джиан качнулся в сторону и попытался врезать мне в грудь. Я отклонился назад, захватил его руку, потянул на себя...

– Прекратить! – крикнул Вейж, когда мы вновь покатались по полу. – Встать! Оба!

Мы нехотя расцепились и встали, стараясь не глядеть на учителя. Я чувствовал себя нашкодившим мальчишкой. Отвратительное чувство. Как я вообще на это всё подписался?

Тренировки, борцы, турнир... Детский сад, но другого пути проникнуть в клан Чжоу даже на горизонте не видно. А мне очень нужно туда проникнуть, потому что таблетки идут откуда-то оттуда. Где-то там этот сучий сын Кианг затаился и плетёт свои сети. А значит, лучшее, что я сейчас могу сделать, это стиснуть зубы и терпеть, терпеть всю эту муть.

– Лей – к стене, – скомандовал Вейж.

Джиан расплылся в улыбке. Я, сжав кулаки до боли, подчинился. Понадобилось всё моё самообладание, чтобы не вздрогнуть, когда кулак Джиана с пушечным грохотом долбанул рядом с моим ухом.

– Постарайся не обмочиться, – сказал Джиан. – Здесь, как-никак, ещё пацанам тренироваться.

Джиана хватило на десяток ударов. Я смотрел, не мигая, ему в глаза. Заставлял себя смотреть – не ради того, чтобы его смутить, или деморализовать, а просто чтобы не реагировать на удары. И всё равно тело рефлекторно напрягалось. Мозг лихорадочно прорабатывал варианты ухода, блокировки, захвата, контратаки...

Наконец, Джиан закипел так, что у него сорвало крышку, и следующий удар врезался мне в грудь.

В глазах потемнело, из лёгких разом вырвался весь воздух. Но тело уже действовало. Я будто сквозь толстый слой синтепона слышал своё имя. Но вот появилось что-то более весомое, чем слова – палка Вейжа. Она ударила меня в лоб, и я покатился по полу. Вскочил.

Джиан поднимался, зажимая ладонью кровоточащий нос.

– Лей! – выкрикнул Вейж. – Ты должен был стоять, не двигаясь. Не справился.

– Он должен был бить в снаряд! – воскликнул я.

– Джиан – тоже не справился.

– Этот выродок мне нос разбил! – пожаловался Джиан, как будто без объяснений не видно было.

– Упор лёжа, оба!

Ослушаться учителя мы не осмелились.

– Раз. Два. Три. Четыре, – считал Вейж, пока мы выполняли отжимания. – Раз. Два. Три. Четыре. Мы. Борцы. Школы. Цюань. Раз. Два. Три. Четыре...

Мы выползли из зала, когда время перевалило за час ночи. Сил на разборки уже не оставалось. Мысль о том, что скоро утро, котлы и брёвна, наполняла ужасом.

– До завтра, – попрощался Вейж и направился к себе.

Мы с Джианом, не глядя друг на друга, разошлись по комнатам.

* * *

Жизнь превратилась в ад. Бессчётное число раз я хотел всё послать, сунуть Вейжу под нос средний палец и переехать обратно к Тао. Днём – работа до полного одурения, а ночью – Джиан. Джиан. Джиан!

Не было ни одной ночи, чтобы он либо я не проявили

какой-нибудь опасной агрессии, и тогда Вейж заставлял нас убивать все силы на какой-нибудь изнуряющей физухе. Отжимания, приседания со штангой на плечах, бег по залу.

– Да какой в этом вообще смысл? – взорвался однажды Джиан (а я радовался, что взорвался именно он. За миг до того, как заорал бы я). – Глава клана мёртв, турнир, говорят, вообще отменяют в этом году! Чего ради я тут подыхаю? Дайте спокойно отбыть наказание и...

Удар палки оборвал его слова.

– Турнир состоится, – спокойно сообщил Вейж. – Состоится в означенные сроки и будет посвящён памяти почившего главы. Ты бы знал об этом, если бы не пропускал дневные тренировки, Джиан.

– Что? Да вы же сами...

Очередной удар палкой заставил Джиана заткнуться. Я, поняв, что внимание учителя больше ничем не отвлечено, вновь с показным энтузиазмом начал выполнять подьёмы корпуса. Сегодня за то, что я чуть не сломал Джиану челюсть, а Джиан засветил мне фингал под глазом, мы работали над убийством мышц пресса.

А в один из дней произошло вдруг нечто неожиданное.

– Я плохо себя чувствую, – заявил Вейж. – Должно быть, простуда.

Мы с Джианом замерли, боясь даже дышать. Неужели хотя бы сегодня тренировки не будет?! Вейж, выдержав торжественную паузу, сказал:

– Потренируетесь без меня. Вы знаете, что делать. Я вернусь через час и закрою зал. Не тратьте зря времени. Сегодня очередь Лея первым становится к стене.

И он вышел. Мы с Джианом проводили учителя обалдевшими взглядами.

– Нормально, – сказал Джиан, когда дверь за Вейжем закрылась.

– Идиотизм, – отозвался я. – Хрена с два я к стене встану.

– Зассал? – повернулся ко мне Джиан.

– Отвали, – поморщился я.

– Да ладно, вижу ведь, что зассал.

Неделя тренировок воспитала во мне железную волю. Я не бросился на Джиана, не оторвал ему голову. Вдох, выдох. Спокойствие, только, мать его, спокойствие.

– Прوماхнёшься – пожалеешь, – сказал я и решительным шагом подошёл к стенной подушке. Повернулся, прижал плечи и затылок к кожзаму, уставился на Джиана.

– Что, – усмехнулся тот, приближаясь, – заставишь меня отжиматься?

– Ну что ты, – улыбнулся я в ответ. – Я ведь не Вейж, как можно. Я заставлю тебя вымыть полы языком.

Лицо Джиана потемнело, верхняя губа поползла вверх, обнажая зубы. А в следующее мгновение в опасной близости от моей головы в подушку врезалось пушечное ядро. Мне показалось, что я слышу стоны креплений.

Глава 9. На двух стульях

Для Джиана учение тоже не прошло даром. А может, отсутствие учителя нас обоих немного нервировало. Как говорится, когда человеку говорят, чтобы он контролировал себя сам, он параноидально думает, что за ним наблюдают, что всё это какая-то проверка.

Положа руку на сердце, я не мог представить, чтобы Вейж забился в какую-нибудь щёлку и подсматривает, словно извращенец. Нет, это – совсем не в его духе. Он если наблюдает, то открыто, а если отворачивается, значит, либо точно знает, что произойдёт у него за спиной, либо ему плевать.

Джиан доблестно отмолотил подушку. Если совсем уж придираться, то я мог бы сказать, что оглох на оба уха от его громовых ударов. Но уж будда с ним, никто не совершенен.

– Моя очередь, – сказал я, когда Джиан остановился перевести дух.

– Да пошёл ты, – огрызнулся он, всё ещё не вышедший из боевого режима.

– Зассал? – подколот его я.

Метнув на меня яростный взгляд, Джиан встал к стене. Посмотреть со стороны – цирк, да и только. Двое парней, ненавидящих друг друга, мечтающих вцепиться друг другу в глотку, лупят боксёрский снаряд, стараясь ни в коем случае не причинить друг другу вреда. Это, в конце концов, стано-

вилось смешным.

– Ты чего улыбаешься? – нахмурился Джиан.

– Так, мысли.

– Какие ещё мысли?

– Это такие шутики, которые появляются в голове, когда ей думаешь. Не обращай внимания, с тобой такого не случится.

Джиан зарычал сквозь стиснутые зубы, а я начал бить. Мои удары становились всё более быстрыми и, надо полагать, болезненными. Я наконец-то понял, в чём до сих пор ошибался. Я продолжал считать себя большим и сильным, как в прошлой жизни. Сейчас же, избивая подушку по обе стороны от оскаленной рожи Джиана, я, наконец, отдал себе отчёт в том, что я – подросток, причём, не самого крепкого телосложения. И я в корне изменил стратегию.

Глупо пытаться вырубить противника одним ударом. Это, скорее всего, мне не удастся, а несколько таких ударов подряд меня порядком ослабят. Серия быстрых и резких ударов скорее принесёт результат. Я мог вкладываться в скорость сколько угодно. Быстрые движения не выматывали меня. А такие удары – они лишь со стороны казались лёгкими и невесомыми. Если бы я направил их не на подушку, а на Джиана, он бы уже свалился на пол.

– Вот чего я не могу понять, Джиан, – сказал я, продолжая сыпать ударами. – Каким таким интересным образом в тебе уживаются нормальный человек с адекватными понятиями и конченный ублюдок, которому нравится измываться над сла-

быми и насилловать женщин?

Я, конечно, предполагал, что Джианотреагирует резко, и был готов. От его пушечного удара уклонился. Сам себя сдержал, не стал бить в ответку.

– Тихо, – сказал я. – Тренировка.

Джианвздрогнул. Кажется, мы с ним одновременно вспомнили, как в тот знаменательный день я сказал ему то же самое. Помогвытрясти из головы осколки прошлого и воспринять всё единственно правильным способом. Как там говорила Яню: душа должна пережить все испытания, какие только могут быть.

– Да пошёл ты со своей тренировкой! – Джианотлепился от стены и сделал несколько быстрых шагов в сторону. – Думай, что говоришь!

– Я сказал что-то не то? – озадачился я.

– «Насилловать»! Нет здесь такого слова. Ты до сих пор ничего не понял?

Я пожал плечами. Вот уж чего не ожидал, так это – такого разговора.

– Мы здесь все уже считай что сдохли. Нет никакой разницы, что с нами случится, что мы будем делать...

– И тем не менее есть правила, которые мы соблюдаем. Когда Ниу стала моей девушкой, ты не пошёл к ней. Ты пришёл ко мне, пусть и не один.

– Правила – есть, – согласился Джиан. – Чужого не тро-нем. Но есть и другое правило: ничейное можно взять. Если

ты борец.

– И ты это считаешь нормальным?

– Кому какое дело, что я «считаю»? Никому до этого дела нет, и мне в том числе. Важно только то, как тут всё устроено. Ты либо живёшь по правилам, либо подыхаешь.

– Ты бы подох, если бы в тот день не набросился на Ниу? Джиан резко повернулся ко мне.

– Да! – выкрикнул он. – Если хочешь знать – подох бы. И ты бы уже давно подох, если бы не был таким тупым и живучим одновременно!

Я молча смотрел на Джиана. Бред, но... кажется, я начал его понимать. И этот его внезапно проснувшийся интерес к Ниу – тоже. Он прекрасно сознавал, что я долго не выдержу, что меня – как и десятки, сотни других таких же до и после меня – сломают. А когда это произойдёт, озверевшая от злости и радости орда борцов разорвёт всё, что мне «принадлежало». И Ниу – в том числе. Не поэтому ли Джиан заранее исподволь повёл разговоры о том, что хотел бы забрать её себе? Да она ему, судя по всему, и даром нужна не была, он просто хотел, чтобы Ниу прожила чуть подольше после того, как я сдохну.

– Там, откуда я родом, есть такая поговорка: на двух стульях не усидишь, – сказал я.

– Если я буду сидеть на одном стуле – никому легче не станет, – возразил Джиан.

– А ты по жизни ищешь, где легче? Искать надо – где пра-

вильней.

Если бы эти слова сказал сейчас Вейж – Джиан бы, наверное, задумался. Но их сказал я. Наглядно доказав, что сами по себе слова ничего не значат. Важно кто их произносит.

– Да кто ты такой, чтобы меня учить? – рявкнул Джиан.

– Твоя совесть, – с усмешкой откликнулся я, и это стало последней каплей.

Джиан бросился на меня. Я, помня о своём прозрении, нанёс ему два быстрых удара вместо одного сильного и отскочил. Джиан развернулся и прыжком сбил меня с ног. Завязалась борьба.

– Как бельмо на глазу! – услышал я в рычании, издаваемом Джианом. – Убью!

Мне удалось упереться рукой ему в челюсть, которая, очевидно, ещё болела с тех пор, как я пару дней назад в неё заехал. Джиан вскрикнул, потерял преимущество, и я сбросил его с себя, навалился сверху, ударил, отскочил.

– Прекрасно, юноша, просто прекрасно!

Этот новый голос заставил нас обоих застыть без движения. Грёбаное дежавю, да быть такого не может! Но всё было именно так – в зале стоял директор школы, господин Ган. Стоял, сложив руки на груди, и смотрел на нас.

– Господин директор! – обозначил я поклон.

– Я знал, что если подождать, то всё случится само собой, – мерзко улыбаясь, проговорил директор. – Условие было вполне себе ясным: никаких драк, никаких нарушений.

Одно предупреждение – и турнир для вас отменяется. Вижу, что вы приняли взвешенное решение.

У меня опустились руки. Джиан молча поднялся на ноги. На меня он не смотрел, на директора – тоже. Уставился в пол.

А директор молчал, будто обжираясь этой гнетущей тишиной, в которой можно было различить мелодию каждой люминесцентной лампы, горящей на потолке.

– Впрочем, – сказал он, – я готов поступить справедливо. Я не настаивал на парной ответственности. И судя по тому, что я успел увидеть, зачинщиком драки был Лей. Ведь так? Лей получает три предупреждения и отправляется в карцер на трое суток. А ты, Джиан, с завтрашнего дня можешь оставить цех. Тебе я выношу только одно предупреждение – за нарушение режима. Поедешь на турнир.

Что ж, вполне в духе нашего дорогого директора. В справедливость он даже играть не пытался – это была слишком сложная для него игра, с кучей непонятных правил. Он не скрывал того, что просто хочет сломать меня, заставить позабыть обо всём, кроме серых будней школы Цюань. Того же хотел Джиан, но он хотя бы понял, что меня проще убить, чем сломать. Директор пока этого не понял, либо просто отказывался верить.

Ладно, ясно. На турнир я не еду. Что дальше? Ждать следующего года? И ещё год, и ещё, и ещё... А потом – серебряные рудники. Там стараться стать главным рудокопом, опять тешить себя какими-то иллюзиями...

– Это я на него кинулся.

Не только я, но и директор посмотрел на Джиана с изумлением.

– Что ты сказал, мальчик?

– Я напал на Лея, – процедил Джиан сквозь зубы.

Тишина. Я первым нарушил молчание. Откашлялся:

– Джиан, я не буду грустить без тебя в консерватории, честное слово.

– Джиан, ты хорошо подумал? – ласково спросил директор. – Ты совсем не хочешь отправиться на турнир? Говорят, на прошлых ты неплохо себя зарекомендовал. В этот раз у тебя, возможно, получилось бы. Ты стал старше, сильнее. Для тебя это, к тому же, последний шанс. Через два месяца тебе исполнится восемнадцать. В следующем году, когда борцы поедут на турнир, ты будешь уже далеко отсюда.

– И что? – Джиан поднял голову. – Что это меняет? Я напал первым. Всё.

Лицо директора начало менять цвет.

– Одумайся, мальчик. Я вижу, что ты затеял какую-то игру в благородство. Должно быть, ты принял меня за сказочного волшебника, который вот-вот улыбнётся и вознаградит тебя за отвагу. Так вот: награды не будет. Будет именно и только то, о чём ты просишь. Вы оба отправитесь в карцер, оба вылетите из борцов без права на возвращение. Ну?!

Джиан повторил, чётко и отдельно:

– Я. Напал. Первым. Это Цюань, у нас здесь свои правила.

Чужого не берём.

– Прекрасно. Я оценил жест. А теперь будьте любезны подождать, пока я позову воспитателей. Они будут очень рады, что их подняли посреди ночи.

Выдавив эту последнюю жалкую и беспомощную угрозу, директор повернулся к двери – и та открылась в этот же миг.

– Господин директор! – Вейж поприветствовал начальство полупоклоном. – Что привело вас в нашу скромную обитель?

– Нарушение режима – всего лишь, – сказал директор. – Вам стоит лучше следить за ключами от зала, Вейж. И, разумеется, эти двое юношей не прошли своего испытания. Как мы и говорили, турнир для них закончился, не успев начаться, а теперь я позову...

– Но простите, господин директор, всё это какая-то нелепая ошибка, – перебил Вейж, который смотрел на директора с таким же недоумением, как начинающий водитель на дорожного регулировщика. – Ключи от зала всегда у меня, вот они, – он продемонстрировал ключи. – И двери я открыл сам. Борцы находятся здесь под мою ответственность. Они не могли послушаться учителя, таковы правила.

Директор замер. Я представил, каким взглядом он сейчас испепеляет Вейжа. А Вейж выглядел – сама невинность. Даже смел улыбаться.

– Не имеет значения, – процедил директор. – Они дрались. Им весьма конкретно было сказано насчёт драк...

– И снова недоразумение, господин директор, – поклонился Вейж. – Это не драка, а тренировочный бой. Я высоко чту правила школы Цюань и не позволил борцам тренироваться во дворе. Это могли увидеть другие ученики и истолковать неверно. Согласно правилам, все поединки, проходящие в этом зале, являются учебными. Мальчики лишились возможности тренироваться днём, но они – одни из лучших моих учеников. Я должен подобающим образом подготовить их к турниру, чтобы клан Чжоу мог гордиться ими.

– Что за чушь?! – вскричал директор. – Они дрались, как звери!

– При всём моём уважении, господин директор, вы, должно быть, просто не знаете, чем мы тут занимаемся, – улыбнулся Вейж. – Неподготовленному человеку поединок двух борцов может показаться пугающим. Многие девушки, которые приходят на турнир со своими мужчинами, даже падают в обморок от увиденного. Но, уверяю вас, всё это – лишь...

– Господин Вейж, – прорычал директор. – Я бы попросил вас... Если уж ночные тренировки необходимы – не оставляйте своих подопечных без присмотра! Или я буду вынужден подать рапорт о ненадлежащем исполнении обязанностей. Повезло вам! – крикнул он нам и вышел из зала.

Я давился смехом. Вейж положительно был бессмертным. Взять и так запросто, при учениках, сравнить непосредственного начальника с нежной девицей, упавшей в обморок при виде капельки крови – это нечто. Но когда Вейж двинулся к

нам, смех быстро испарился. Палка в его руках легко разделилась на две половины.

Мне удалось уклониться от удара. Джиан был не столь расторопен – ему досталось по шее.

Глава 10. Преданные фанаты

День турнира подкрался незаметно. Каждый день, закладывая на пару с Джианом в бассейн ненавистные брёвна, таская вместе с ним уголь для растопки котлов, вдыхая горячий пар и угольную пыль, а потом, когда закончится рабочий день, тренируясь после отбоя, я думал: это будет длиться вечно. Ни конца ни края этой пытке не видел. Дни на календаре в борцовской комнате (куда меня время от времени всё-таки заносило) менялись, будто издеваясь. Сегодня одна цифра, завтра – другая. По идее, перемены эти должны были означать приближение заветного дня, однако по факту существовал лишь один день: сегодняшней. А каждый сегодняшний день существовали только брёвна, котлы и горячий пар, пока на улице светло, и тренировки до упаду, пока все остальные спят. Кажется, за этот месяц я даже ни разу не встретился с Ниу. В смысле по-настоящему...

И вот внезапно день турнира настал. Как-то вдруг. Хотя ещё накануне, когда Джиан поплёлся в корпус, у меня состоялся такой разговор с Вейжем. Мы сидели на улице, у закрытой двери в зал, и я сказал что-то в духе: «Kak zhe ya zatraxalsya». Материться, понимая, что тебя никто не понимает – был в этом какой-то странный оттяг. Борцы, что посмелее, поначалу пытались меня переспрашивать, потом забили. Со мной вообще предпочитали лишней раз в разгово-

ры не вступать. А Вейж никогда не переспрашивал. То ли следовал пунктам из заповедей борца, о которых я не знал, то ли пытался таким образом втихаря выучить русский, то ли просто наслаждался звучанием. В случае с Вейжем я ничему бы не удивился.

– Ты и Джиан поедете на турнир свежими и отдохнувшими, – сообщил мне Вейж. – В отличие от остальных борцов.

– Смешно, – оценил я. – Интересно, что ж вы на тренировках с остальными делаете, если даже мы будем свежими и отдохнувшими.

Вейж улыбнулся. Он часто улыбался и часто кивал. Может, поэтому рядом с ним было как-то спокойно и надёжно. Вейж не рвался в битву с обстоятельствами, как я, не стремился перегрызть судьбе горло. Он по-буддистски принимал любое дерьмо. Улыбался ему. Кивал. С одной стороны, хотелось бы такому научиться. А с другой...

– Остальные ждут, – сказал Вейж, безмятежно глядя в небо, на котором уже можно было прочесть признаки зарождающегося рассвета. – Ожидание терзает их сердца дни и ночи. Тревога изматывает их. Они бы рады тренироваться и ночами, но я категорически запретил. У каждого свой путь. Ваш путь привёл вас сюда. Их путь лежит через другие земли.

– А чего они так беспокоятся? – спросил я. – Вроде не в первый раз. Почти все уже ездили.

– Говорят, в этот раз правила турнира будут более жёст-

кими, – всё так же безмятежно сказал Вейж. – После смерти главы клана пришлось многое пересмотреть, так всегда бывает при смене власти. Рентабельность школ оказалась под вопросом. И если производство вполне себя оправдывает, приносит пусть небольшую, но прибыль, то содержание двух десятков борцов в каждой из школ – выгода сомнительная. Борцов нужно хорошо кормить. Тренировать. Борцов нужно развлекать, чтобы они чувствовали своё отличие от других. И вместе с тем борцы всё-таки нужны. Чтобы пополнять ряды солдат клана. Чтобы показывать остальным ученикам, что есть куда стремиться.

– Ясно, – зевнул я. – Поставить лимит в десять борцов – и сократить расходы вдвое, а пройдут всё равно те же трое сильнейших. Простая логика. А тех, что есть, можно по максимуму перебить на турнире, чтобы не возвращались на дармовщинку. Выживших, но бесполезных, скорее всего, досрочно сошлют в рудники, или куда там...

– Ты зеваешь, говоря об этом. А остальные – бледнеют, – с улыбкой заметил Вейж. – Они поедут с мыслью: «Повезёт мне, или нет?», а ты – с мыслью: «Наконец-то можно забыть о бассейне и ночных тренировках!».

– А существует вообще хоть какой-нибудь кусок дерьма, из которого вы не вытащили бы этакой конфуцианской премудрости? – не выдержал я.

Вейж добросовестно подумал и сказал:

– Нет.

Ну, кто бы сомневался. Я попрощался с учителем и отправился спать. Утром подскочил, как будто над ухом из пистолета выстрелили. Сердце бешено колотилось. Опоздал!

Стоп. Куда опоздал?..

– Подъём! – раздался снаружи ленивый покрик воспитателя, и в дверь ударила дубинка. – Продирайте свои zenки, шакалье отродье!

– И тебя с добрым утром, сын осла и проститутки, – буркнул Ронг, нехотя отрывая голову от подушки.

Я перевёл дыхание. Никуда я не опоздал, просто нервы вообще расслабляться разучились. Семь часов, всё в порядке. Даже больше, чем в порядке – сегодня, наконец, праздник. Нет работы! И как будто этого было мало, сегодня мы к тому же покинем чёртов Цюань! Как минимум неделю я не буду видеть потную жирную морду Шена. И блеск очков директора Гана минует меня. Вот только рожи борцов придётся терпеть, несмотря ни на что. Ну, что тут скажешь? Такова жизнь. С чем-то приходится мириться.

Работы в праздничный день отменялись, однако в остальном график оставался прежним. Построение, осмотр, молитва, завтрак. В столовой мы встретились взглядами с Ниу, однако она сидела за «черепажным» столом, а я – за борцовским.

– Вейж говорит, нынче жёсть будет, – прислушивался я к взволнованным разговорам. – Поставят клановых бойцов в соперники. Прикиньте, да? Реальных бойцов.

– И что? – резко оборвал панические настроения Бохай. – Бойцы вышли из такой же школы, как мы. Они занимались с таким же учителем. Вейж – может, вообще лучший в своей теме.

– Ну знаешь... – возразил Бэй. – Их-то по-другому натаскивают.

– Это ты о чём? – перевёл на него взгляд Бохай.

– Ну... Их учат калечить, убивать. По-настоящему, по-личному. А Вейж – он вечно в этом своём «только для самообороны».

Бохай замешкался, и ответил я, не забывая орудовать палочками в миске:

– Ерунду не городи. Чтобы убить человека, много ума не нужно, умений – тоже. Надо просто разрешить себе убить. Бой – это вообще про другое. В бою важны умения. Бохай всё правильно говорит: тебя учили так же, как их. Если бояться убийц только потому, что они убийцы, то перед Гитлером любому из нас вообще надо было бы упасть на колени. Несмотря на то, что этому трясущемуся от невроза истерику хватило бы одного удара, чтобы остатки мозгов вылетели из задницы.

Борцы притихли, обдумывая мои слова. Я тоже задумался. А был ли в этом мире вообще Гитлер?.. Впрочем, никто не переспросил, что за хрень я несу, значит, общий посыл дошёл верно.

– Лично мне уже класть три кучи на то, что там за бой-

цы, — сказал Джиан. — Пусть хоть из автоматов расстреливают, лишь бы уголь в котлы швырять не заставляли.

Негромкий смех снял напряжение. А Вейж таки был прав в своих прогнозах. Мы с Джианом действительно просто не успели начать бояться. А теперь уже поздно было спохватываться.

Приняв таблетку (борцы и тут были первыми, как всегда и во всём), я вышел во двор и принялся слоняться без всякой цели, ожидая Ниу. Скоро должен был прибыть автобус, который увезёт нас на турнир. Целая неделя. После которой я, может, не вернусь. В случае чего Ниу даже похоронки не получит. Может, кстати, и к лучшему. До последнего будет ждать, надеяться, а потом решит, что я про неё забыл. Злость и обида переносятся лучше, чем горе. Горе ломает людей, а злость с обидой... ну, бывает, что тоже ломают. Но реже.

Ученики один за другим выходили из дверей столовой и разбредались по своим делам. Все борцы поднялись к себе — надо полагать, чтобы лишний часок подремать перед испытаниями. Ну, или хотя бы попытаться подремать. Вряд ли на таком мандраже кто-то действительно сможет уснуть.

Ушли все, кроме Джиана, который за каким-то чёртом продолжал отираться у двери в столовую. Вышел Тао, и Джиан поймал его за рукав. Я с интересом наблюдал.

На предыдущем испытании Джиан сломал Тао обе руки. Он вообще должен был убить его, и убил бы, если бы я не вмешался. Скорее всего, весь сценарий боя был написан Бо-

хаем, но исполнял-то его Джиан – и я не видел, чтобы он при этом морщился.

С той поры они с Тао не пересекались. Тао благоразумно держался от борцов подальше. С обеими загипсованными руками он ни к какой работе оказался неспособен и практически всю дорогу валялся в больнице, отъедаясь на казённых харчах и отдыхая, к вящей злости директора. Должно быть, директор теперь ещё и за это меня ненавидел. Ведь если бы я не вмешался в поединок, Тао просто заколотили бы в деревянный ящик – а теперь приходилось отчитываться перед кланом за убытки. Может, именно из этих соображений нас с Джианом и поставили на производство. Не только в качестве наказания, а чтобы хоть как-то скомпенсировать ситуацию.

Недавно гипс с обеих рук сняли, Тао вернулся в цех, его поставили к шлифовальному станку. Временно, пока врач не даст добро на полную нагрузку. И что, теперь Джиан решил, что нужно снова начинать? Типа «я поехал на турнир, после меня – хоть потоп»?

Они о чём-то быстро переговорили, и Джиан протянул руку. Тао нерешительно её пожал. Я напрягся. Вот сейчас одно резкое движение... И воспитателей, как всегда, рядом нет.

Но Джиан отпустил ладонь Тао, и Тао отошёл. Сделал пару шагов на негнущихся ногах и вдруг сунул руку под ифу. Не замечая меня, побежал к лестнице. Я проводил его взглядом. Свою комнату, которую Тао теперь делил с одним из новичков, прибывших вместе с неудачно сбежавшим Жон-

гом, он миновал, не задерживаясь. И остановился возле общей комнаты борцов.

Моему удивлению не было предела. Оно было попросту двойным, и обе его половины так же отличались друг от друга, как тигр и черепаха. Меня изумил Джиан – своим поступком. Меня изумил Тао – своей тупостью. По-моему, даже макивара бы на его месте уже чему-то да научилась. Но не Тао.

А ещё я неприятно изумился, поймав себя на том, что рассуждаю примерно как директор. Тот ведь тоже считает, что меня надо сломать, чтобы я сидел ровно и не высовывался. Вот и я так же думаю про Тао. В конце-то концов, у каждого свой путь. Откуда мне знать, куда ведёт Тао его путь? Может быть, он просто должен в этом воплощении погибнуть в поединке с борцом. Тьфу ты... Кажется, у меня передоз общения с философией востока.

Я опустил взгляд и теперь уже нешуточно вздрогнул, увидев, что Джиан говорит с Ниу. Это было совсем другое дело, и я быстро зашагал в сторону столовой.

– Эй! – окликнул я их на середине пути. – В чём дело, Джиан? Я – здесь.

Хочешь говорить со мной – говори со мной, чёрт бы тебя подрал! А с Ниу тебе говорить не о чём и незачем.

Джиан бросил на меня невнимательный взгляд, вновь обернулся к Ниу и поклонился. Церемонно, что-то явно обозначив этим жестом. И ушёл, не оглядываясь.

– И что это такое было? – спросил я, оказавшись рядом с

Ниу и взяв её за руку.

Судя по её взгляду, она была изумлена происходящим даже больше, чем я.

– Он извинился.

– Он? Извинился?! За что?

– За то, что было тогда, во дворе. Сказал, что просит прощения сам и приносит извинения от лица всех борцов. Лей, ты его снова побил, да?

Изумление уступило место задумчивости. В наших с Джиганом отношениях уже сложно было однозначно сказать, кто кого, когда и сколько раз побил.

– Н-нет, – ответил я. – Это он сам где-то упал, наверное.

– Эй, Лей! – послышался крик сверху.

Я задрал голову. Перевесившись через перила, на галерее стояли Ронг и Бэй.

– Чего вам?

– Мы подумали проветриться.

– Рад за вас, – откликнулся я.

– Часок потопчемся тут. Если вдруг чего – сразу же постучим. – И Ронг изобразил условный стук по перилам: тук, тук-тук, тук.

Я пожал плечами. Потом, подумав, хмыкнул:

– Всё-таки хорошо, когда у тебя есть преданные фанаты...

– Что? – удивилась Ниу.

– Да ничего. Пойдём.

Я потащил её за руку. Когда мы, миновав Бэя, вошли в

мою пустую комнату, до Ниу дошло.

– Но сейчас ведь день! – воскликнула она. – Если кто-нибудь...

– Не волнуйся. – Я привлёк её к себе. – Если вдруг чего – они сразу же постучат.

Глава 11. В путь

Тук, тук-тук, тук.

Ниу уже завязывала ифу, и теперь её пальцы начали двигаться быстрее. Я оправил постель, переложил на неё игральные карты, лежавшие на тумбочке. Маскировка, способная обмануть только полного и абсолютного тупицу.

Технически, конечно, интимные отношения запрещены в школе не были. Они даже в какой-то мере, поощрялись (иначе откуда бы противозачаточный эффект у таблеток?). И режим мы не нарушили: сегодня праздник, день свободный. По сути, даже повода для предупреждения нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.